

Уоланта Амарр

Quoth the raven,

"Nevermore"

ШАРЖИРОВАННЫЕ КНИЖКИ

мир под стеклом

Иоланта Ламарр

**Шарнирные куклы. Мир под
стеклом. Исторический детектив**

«Издательские решения»

Ламарр И.

Шарнирные куклы. Мир под стеклом. Исторический детектив / И. Ламарр — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-837579-8

Туманный Утёс. Далёкая островная провинция, затерянная во мраке, тумане и лжи. Её окружают неприступные скалы и мрачный, непроходимый лес, из чащи которого, по слухам, ещё никто не возвращался живым. Алина Лайтер отправляется на остров, чтобы расследовать загадочные убийства. Но что в действительности за этим стоит? Шёпот, тайны, интриги, многозначительные взгляды, странные сны... Пожалуй, она сама не успеет заметить, как опасная работа превратится в расследование её же собственной жизни.

ISBN 978-5-44-837579-8

© Ламарр И.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Ветер перемен	9
Глава 2. Островная провинция	18
Глава 3. Местные легенды	26
Глава 4. Тревожная ночь	31
Глава 5. Городское кладбище	37
Глава 6. Ночные встречи	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Шарнирные куклы. Мир под стеклом

Исторический детектив

Иоланта Ламарр

© Иоланта Ламарр, 2017

© Людмила Викторовна Слёнкина, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4483-7579-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Посвящается моей маме. Огромное спасибо за твою любовь и поддержку: они согревали меня во все времена.

Один прохожу я свой путь безутешный, ↑
В душе нарастает печаль; ↑
Бегу, убегаю, в тревоге поспешной,
И нет ни цветка на дороге, ведущей в угрюмую даль.
Повсюду мученья;
В суровой пустыне, где дико кругом,
Одно утешенье,
Мечта о тебе, моё счастье, мне светит нетленным лучом.

Мне снятся волшебные сны – о тебе. Не так ли в пучине безвестной, ↑
Над морем возносится остров чудесный, Бушуют свирепые волны,
кипят в неустанной борьбе. ↑
Но остров не внемлет, ↑
И будто не видит, что дико кругом, И ласково дремлет,
И солнце его из-за тучи целует дрожащим лучом.
(Э. По. Один прохожу я свой путь безутешный...)

Ребёнок, однажды обжегшись, тянется к огню.
(О. Уайльд. Портрет Дориана Грея)

Пролог

На севере-западе, примерно в трёх днях пути от Сентены¹, есть маленькая островная провинция, соединённая с материком огромным железным мостом, который почему-то напоминает здешним суеверным жителям страшного монстра из детских сказок. Немногие в Ластертаде² слышали об этом месте, и едва ли кто вообще бывал в столь отдалённом крае. В самом изолированном городке, больше походившем на сельскую местность, по сути, не было ничего необычного или же запоминающегося, разве что только несколько построек из белого камня, принадлежавших четырём семьям основателей. Они были похожи на старинные замки и располагались точно по периметру заселённой части провинции, точно грозные сторожевые башни в тюремном поселении.

В это время суток на улицах острова уже давно стояла глухая, безлунная ночь, но в одном из этих каменных домов, том самом, что стоял в гордом одиночестве на высоком холме и был построен не менее пяти столетий назад, всё ещё горел тусклый мерцающий свет. На стенах, в обилии увешанных семейными портретами в тяжёлых рамках, выполненных уверенной рукой искусного художника, плясали причудливые тени, отбрасываемые пламенем свеч. Холодный осенний ветер, проникавший в помещение сквозь приоткрытое окно, заставлял людей (кроме самого хозяина, высоко ценившего свежий воздух), находившихся в богато обставленной комнате на втором этаже, зябко ёжиться и кутаться в пиджаки и пледы.

За столом из тёмного крепкого дерева, изредка макая гусиное перо в старинную чернильницу и царапая им что-то на листке плотной дорогой бумаги, сидел пожилой господин в строгом костюме. Его здоровье и тело были уже не теми, что когда-то: всё-таки возраст давал о себе знать. Глубокие морщины прорезали некогда высокий благородный лоб, сухие, мозолистые пальцы скрючились, а больная спина не позволяла сидеть на стуле так ровно, как того бы хотелось. Но всё же волевое лицо мужчины, чётко очерченные скулы и подвижные, умные глаза говорили о внутренней силе и неутолимой жажде жизни.

За спиной аристократа неподвижно и даже как-то торжественно стояли двое: ничем не примечательный мужчина средних лет в костюме дворецкого и молодая светловолосая женщина с точёными чертами лица – даже, скорее, девушка – в красивом белом платье, какие по традиции одевают молодые особы на свой первый бал. Оба неотрывно следили за правой рукой графа, которая неторопливо, но уверенно выводила слова, отчего-то кажущиеся роковыми. Вот, наконец, пожилой мужчина поставил в конце листа свою знаменитую размашистую подпись и протянул перо верному слуге. Последний, принявший на себя роль свидетеля, покорно сделал то, что ожидал от него господин. Граф благодарно кивнул дворецкому, после чего сложил завещание на манер письма и, предварительно растопив воск с помощью свечи и накапав нужное количество на бумагу, поставил фамильную печать. На последней гордо красовался родовой герб – легендарная птица феникс, встающая из руин и пепла.

Девушка с признательностью положила тонкую белую руку на плечо своего тайного благодетеля и мягко улыбнулась. От этой улыбки лицо её осветилось каким-то особым внутренним светом, сделав вдруг свою обладательницу невозможно красивой. Дворецкий бросил на неё удивленный и отчасти настороженный взгляд, но через некоторое время полностью забыл об этом.

То, что могло кардинально изменить, а в некоторых случаях и поломать жизни многих, было аккуратно сложено и надёжно спрятано в переплёте объёмной книги, взятой из семей-

¹ Столица Ластертада. – Прим. автора.

² Вымышленная северная страна. – Прим. автора.

ной библиотеки. Граф доверил документ, содержащий его последнюю волю, преданному слуге, которого знал также хорошо, как и себя, а, может быть, даже лучше. Тот с достоинством принял возложенную на него то ли великую честь, то ли страшный приговор и положил увесистый фолиант в свой неизменный кожаный портфель. Затем, коротко, но в меру почтительно поклонившись, дворецкий спешно покинул комнату, а через пару минут и сам хозяйский особняк. Очаровательная дебютантка и пожилой господин также вскоре распрощались, клятвенно пообещав друг другу хранить известные им одним тайны.

Итак, давно задуманное наконец-то свершилось, а все тузы удобно устроились в рукаве. Вот только кому принадлежал этот пиджак? Одному из тех троих, кто видел, что скрывала печать с изображением феникса, или же кому-то другому, совершенно постороннему или, возможно, напротив, очень близкому? Кто выигрывал от всего этого, а для кого слова на дорогой бумаге стали фатальными? Ответами на данные вопросы едва ли кто предполагал в то время в этой далёкой и безвестной провинции.

Крытая карета, на дверце которой был вырезан уже знакомый нам фамильный герб, стремительно неслась по размытой дождями сельской дороге. Копыта породистых лошадей увязали в грязи, но молодой кучер не обращал на это обстоятельство никакого внимания и подгонял животных кнутом и изошрёнными проклятиями. Куда он так спешил или от чего бежал, для посторонних, случайно видевших размытое пятно кареты краем глаза, оставалось загадкой. В разряжённом воздухе стояла какая-то мрачная, гнетущая атмосфера, будто сама природа предчувствовала надвигающуюся беду и хотела предупредить о ней своих подопечных. Внутри экипажа, прижимая к груди портфель, словно родного ребёнка ранее бездетный родитель, сидел тот самый дворецкий, что по воле то ли своего графа, то ли зловредной судьбы, изредка любящей изошрённо пошутить, стал свидетелем документа, который мог уничтожить будущее многих влиятельных людей. Сложившаяся ситуация, несомненно, превратила его в подобие ходящей мишени, и потому мужчина, далеко не глупый и порядком умудрённый в интригах (кто сказал, что с ними не сталкиваются даже в глухих островных провинциях?), придумал один нехитрый план, согласно которому он смог бы обезопасить не только своего достопочтенного господина, но и его завещание. Почему-то второе казалось ему сейчас дороже и важнее собственной жизни. Возможно, в этой пьесе далеко не последнюю роль сыграла его хваленая интуиция, а, может быть, этот слуга был просто до фанатизма преданным своему господину. Впрочем, какая разница?

Раздавшийся прямо над головой раскат грома заставил дворецкого судорожно дёрнуться и нехило приложиться и так разболевшейся от многочисленных переживаний головой о дверцу кареты, которую, к слову, мотало из стороны в сторону, как ветхую рыбацкую посудинку в шторм. Мужчина, болезненно поморщившись и потеряв ноющий затылок, пересел поближе к выходу, чтобы крепче держаться за ручку на поворотах. Езда этого кучера, совсем недавно принятого к графу на работу, никогда не нравилась господину дворецкому, однако в данный момент он был готов вытерпеть ради «благого дела» даже подобную пытку. К тому же у него просто не было выбора: «лихач», как ехидно окрестил его про себя мужчина, был первым, кто попался в конюшне ему на глаза. Да и всё-таки, стоит признать, этот молодой слуга повёл себя вполне профессионально: не задал ни единого вопроса, подготовил экипаж, запряг лошадей, да и сейчас как гонит, не обращая ни малейшего внимания на надвигающуюся грозу.

Внезапно, точно по какому-то давно забытому волшебству, всё стихло: прекратились завывания ветра и раскаты грома, не слышалось больше ни топанья лошадей, ни их надрывного ржания, ни ударов кнута, ни даже выкриков резвого кучера. Карета замерла – как вкопанная. Впрочем, последнее дворецкий понял далеко не сразу: сначала он и вовсе наивно порадовался тому, что буря, кажущаяся несколько мгновений назад неминуемой, неужи-

данно отступила. Потом мужчина, сам не зная, почему его пальцы вдруг задрожали, медленно отодвинул занавеску и выглянул в окно. Яркая вспышка молнии осветила засеянное поздней пшеницей поле, неподалёку за которым виднелись тёмные и несколько устрашающие силуэты высоких деревьев. Лес этот местные жители уже не одно столетие называли проклятым и по возможности всегда старались обходить стороной. Те же немногие здесь, кто относился к народным предрассудкам со скептическим недоверием и рисковал срезать путь в этом месте, почти никогда оттуда не возвращались. Причина, по которой в Мёртвом лесу пропадали люди, была никому неизвестна, но предположений, разумеется, было немало. Одни убеждённо говорили, что в глухой чаще обитают кровожадные привидения или нечто в том же духе, потустороннее и опасное, другие – что в исчезновениях виноваты голодные хищные звери. Впрочем, смельчаков, желающих докопаться до истины, как ни странно, не находилось.

В оглушающей тишине, от которой непроизвольно начинало звенеть в ушах, слышались осторожные, выверенные шаги, затем кто-то поскрёбся чем-то острым (лезвием ножа? когтями?) об обшивку кареты. Только тогда мужчина с возрастающим ужасом понял, что экипаж давно остановился, а кучер с лошадьми, скорее всего, уже мертвы – а иначе, почему же они всё это время ничем не выдают своего присутствия? Не находя в себе силы вновь выглянуть в окно, он отдернул руку от занавески и зачем-то оглядел карету изнутри, будто бы в ней можно было найти спасение. В одном дворецкий был уверен так, как никогда раньше: кем бы они ни были, они пришли за тем, что было спрятано его хозяином меньше часа назад в книжном переплёте. Но кто же мог об этом узнать? Неужели их каким-то образом подслушали? Невозможно: они ведь так старались не произносить вслух ничего лишнего, пользовались лишь тонкими намёками, непонятными постороннему. Или же их предала эта странная девушка с личиком ангела, способная свести с ума любого мужчину одним взглядом своих небесных глаз маленькой невинной девочки? Но поступи она так, ей самой было бы хуже.

Стрелки на циферблате ручных часов дворецкого пробежали около шести минут. За это время он, несмотря на сковавший его тело ужас и липкое чувство паники, сделал всё от себя зависящее, чтобы надёжно скрыть то, что было ему доверено. Снаружи ничего не происходило, по крайней мере, так казалось мужчине. А он прислушивался к каждому малейшему шороху или скрипу. Вжавшись в сиденье, он держался ослабевшими пальцами одной руки за ручку дверцы, другой же – прижимал к себе портфель. Впрочем, графский слуга почему-то не боялся того, что неминуемо ожидало его по ту сторону кареты. Хотя нет, не так. Он, разумеется, испытывал страх перед силой, которая смогла остановить жизнь в радиусе мили: всё же он был лишь человеком, физически слабым и беспомощным, и даже (в чём особенно стыдно было ему признаться) щепотку суеверным. Но мужчина будто уже смирился с тем, что, возможно, не увидит сегодняшний рассвет. И даже, напоследок, сделал всё, чтобы последнее оказалось правдой. Не подумайте, что он был трусом – вовсе нет. Просто дворецкий с детства ненавидел любые проявления боли и, как вдруг ему вспомнилось, пару раз даже падал в обморок от одного вида крови.

Поэтому, когда что-то с силой рвануло дверцу и бросилось на верного графского слугу, в его широко распахнутых и уже мёртвых глазах застыли не только горечь и сожаление. Было там ещё и удовлетворение (самим собой?), отчасти светлое, отчасти мрачное.

Глава 1. Ветер перемен

Некоторое время спустя описанных выше событий в столице Ластертада, Сентене, такой высокомерно-далёкой от всех ужасов и бед своих провинций, разгорался новый будничным день. На небе ослепительно светило октябрьское солнце. Сегодня оно, как никогда раньше, напоминало лихорадочно-жёлтое куриное яйцо, медленно плавящееся на гигантской сковородке.

Признаться, солнцу нисколько не хотелось созерцать жителей этой мрачной, северной страны. Известно, что все люди – незначительные, погрязшие в собственной никчёмности и мерзости создания, стоит только посмотреть на них с высоты. Могущественному небесному светилу приходилось чувствовать себя беспомощным пленником в собственном королевстве. Всё, что ему оставалось, – это ждать спасительные пуховые облака, что сегодня, судя по безукоризненно чистому небу, было совершенно бессмысленно.

Внизу же, по выметенным мощёным улицам, ни на секунду не приостанавливаясь даже для того, чтобы перевести дух, толкалось объёмистое нечто, состоявшее из жителей столицы и приезжих. Все они спешили в самые разные места и уголки, разбросанные по прекрасному, но такому неповоротливо-громоздкому городу, сворачивали на главные проспекты, в тесные, глухие проулки (в последних запросто могли зарезать ржавым ножом и совершить любые гнусности). Кто-то шёл пешком, а кто сидел в каретах – и каждый из них был погружён в свои собственные мысли.

Внезапно одна из прохожих, молодая девушка в простом дымчатом платье, рассмеялась тихим, слегка истеричным смехом. Несколько человек с любопытством посмотрело ей вслед. Девушка чем-то неуловимо напоминала тот сорт людей, которых в народе именуют «ведьмами».



Алина Лайтер

В целом Алина Лайтер была совершенно непримечательна: высокая, худая, светловолосая, с огромными хризолитовыми глазами и с тусклой бледной кожей. Немногочисленные знакомые весьма её недолюбливали: подчас девушка могла показаться людям слегка не в себе.

Алина была круглой сиротой и совершенно не помнила своих родителей: её отец с матерью погибли много лет тому назад. В настоящее время она жила в квартале для госслужащих в недостроенном доме своего дяди и изредка подрабатывала швеей. Больше всего на свете девушка не выносила собственной жизни. Сегодня, правда, Алина чувствовала некоторое оживление, возможно, даже вдохновение. Всё началось с раннего утра, когда она увидела какую-то бумагу, одиноко лежавшую на кухонном столе, которая оказалась не чем иным, как областной грамотой, оформленной на имя её кузена Жуана. Девушка немало удивилась тогда: обычно в их городе служебникам – людям, ответственным за порядок и безопасность – вручали лишь столичные грамоты, которые представляли собой разрешение на расследования нарушений в пределах Сентены. В ходе небольших расспросов дяди, который, как и большинство коренных сентенцев, вечно куда-то спешил, Алина поняла, что безответственный Жуан снова что-то натворил на работе – и начальство в качестве наказания решило отправить его в какую-то глушь расследовать загадочные убийства.

Позже она тактично поинтересовалась у необычайно радостного брата, когда он начнёт собираться в дорогу. Жуан на это рассмеялся и заявил с лёгким оттенком мужского превосходства, что у него ещё есть достаточно времени, которое, кстати говоря, он намерен провести с пользой. Алина закатила глаза и решила не уточнять, с какой именно «пользой»: Жуан Лайтер, служебник самого младшего ранга, на всю столицу славился своими похождениями по борделям и игровым заведениям. В который раз уже Алина подумала (разумеется, не без сарказма), что, похоже, все вокруг счастливы и довольны жизнью, кроме неё самой.

Она же, живя в шумной и безразличной Сентене, привыкла чувствовать себя словно птица в захлопнувшейся клетке. Почти всё, что Алину окружало, ей давно уже опротивело: муторная работа, за которую платили ничтожные деньги, холодно-вежливое поведение родственников и презрительное – знакомых, огромный недостроенный особняк, вечно продуваемый насквозь зимними вечерами, в котором прошла большая часть её юности, прекрасная помпезная столица. Даже постоянная опека бабушки, которая никак не могла дождаться, когда же «её любимая внучка наконец-то выйдет замуж и заведёт детей» (от последнего Алину корбило особенно сильно). И вдруг, точно незаслуженное благословение свыше, подвернулась такая возможность. Больше всего на свете девушке хотелось что-нибудь изменить в своей жизни. Что же теперь могло заставить её устоять перед соблазном?!

Впрочем, признаться, решение отправиться на задание, которое предназначалось её ветреному кузену, поначалу было встречено в штыки рассудительностью и страхом перед неизвестным. Даже сейчас, стуча стёртыми каблуками по искусно выложенной набережной, чья поверхность, поблёскивая на солнце до рези в глазах, почти удачно пародировала зеркало, и сжимая в руке старую дорожную сумку, в которую поместилось всё самое необходимое для дальней дороги, включая позаимствованные у дяди инструменты служебников, Алина терзалась сомнениями. Не поступает ли она излишне самонадеянно? Не глупо ли, в конце концов, браться за то, чего никогда раньше не делала?

Но повернуть назад, туда, где жили семьи служебников и прочих городских чиновников, Алина так и не смогла себя заставить.

Девушка остановилась и, высоко запрокинув голову, посмотрела на небо, на котором сегодня не было видно ни единой тучки, ни малейшего клочка облаков – весьма редкое явление для холодного и сумрачного Ластертада. Алина подумала, что, возможно, необычайно тёплая и солнечная погода была знаком свыше.

Внезапно девушка привстала на цыпочки и до боли вытянула тонкую шею. В таком положении Алина простояла почти минуту: прикрыв глаза, она слегка раздувала крылья носа, словно хотела впитать в себя весь аромат летнего дня. Прохожие толкали её, задевали острыми локтями и тяжёлыми сумками, но, погружённая в себя, зеленоглазая девушка не обращала на них ровно никакого внимания. Бледнокожая до прозрачности, она выглядела на оживлённой улице города точно призрак далёких времён, отрешённый, схоронившийся в коконе собственного воображения, обрекший самого себя на вечное, изматывающее одиночество.

Впрочем, в глубине души Алина дрожала от страха, который едва ли испытывают привидения. Она так сильно боялась разочароваться! Так не хотела сделать что-то неправильное, такое, о чём потом останется только сожалеть!

На пути задумавшейся девушки вдруг выскочил, будто из-под земли, Дворец Талантов – одна из самых величественных построек столицы. Алина, немного помедлив напротив парадных ступенек, уверенно обошла здание и направилась к чёрному ходу, которым в основном пользовались только прислуга и артисты. Ей не составило труда найти ту, кто была последней, но едва ли не самой важной составляющей её сумасшедшего плана.

Сирша Валентайн, восходящая звезда сентенского театра, была одной из самых красивых и видных женщин столицы. У неё были волнистые тёмные волосы, молочная кожа с лёгким румянцем на щеках и слегка раскосые светло-голубые глаза, обрамлённые облаком густых ресниц. Девушки никогда не были подругами, но блистательная актриса должна была Алине услугу. «Одну, но какую только захочешь», – сказала она в тот далёкий вечер прошлогодней зимы, дрожа на холодном ветру и с искренней благодарностью обнимая свою спасительницу за плечи. С того времени Алине почти ежедневно хотелось пойти к актрисе и использовать эту возможность, но каждый раз девушку что-то останавливало. Впрочем сейчас, отзывая Сиршу в сторону, она совсем не жалела о том, что сдержалась и не попросила чего-нибудь раньше.

– Даже не думай: я никогда не пойду на подобное! – актриса надула полные губы, подчёркнутые ярко-красным карандашом, и посмотрела на Алину, как на безумную. – Проси что угодно, только не это.

Девушка тяжело вздохнула и на миг крепко зажмурилась. Разумеется, такая реакция со стороны едва знакомого человека была вполне ожидаема, но всё же Алину кольнула лёгкая досада: должница могла бы отнестись к ней и с большим пониманием, учитывая, что сама порой вытворяла. Впрочем, она успела вовремя прикусить язык: не стоило напоминать этой хрупкой творческой натуре о том случае, с которого началось их весьма странное знакомство.

– Ну, Сирша, ты же актриса, в конце концов, – рассудительно заметила Алина, немного помолчав. – И однажды уже играла мужскую роль. Довольно профессионально, надо заметить. Если бы я не знала, что это ты, то никогда бы не догадалась, что главный герой – на самом деле переодетая девушка, к тому же такая красивая.

От неумело завуалированной лести, прозвучавшей в словах собеседницы, Сирша Валентайн, казалось, несколько оттаяла, но всё же сдаваться так просто не собиралась.

– А ты подумала о моей работе, глупая? – проворчала она, поправляя тёмный локон, который то и дело выбивался из её сложной прически. Он с завидным упорством падал девушке точно на левый глаз. – Сколько мы пробудем в этом, как его, Туманном Обрыве?

– В Туманном Утёсе, – терпеливо поправила её Алина, стараясь не закатывать глаза. – И мы останемся на острове до тех пор, пока не найдём убийцу.

– Так это еще и остров! – как-то не в тему возмутилась Сирша, отвлечённо потирая правое запястье, которое показалось Алине слегка припухшим.

Тут взгляд темноволосой красавицы метнулся в сторону распахнутой входной двери, через которую вошли в помещение несколько человек. Девушки стояли за колонной, так что их не было видно тем, кто находился в зале, но всё же актриса вдруг резко побледнела и, кажется, даже занервничала, хотя последнее и было почти что незаметно.

– Ну, хорошо, я сыграю роль твоего муженька-служебника, – неожиданно легко согласилась Сирша, наигранно вздыхая и делая мученическое выражение лица. – Всё-таки я не из тех жалких личностей, что не могут сдержать собственного слова. Пойдём в мой будуар: будем собираться в дорогу. И да, ещё нам придётся где-то раздобыть обручальные кольца.

На небе сгущались мрачные, свинцовые тучи. В тяжёлом, душном воздухе витало предчувствие беды. Казалось, что нечто опасное поджидает путников не за тем, так за другим поворотом, точно коварный, умудрённый опытом хищник, который притаился в засаде.

Одинокий крытый экипаж ехал по загородной трассе навстречу неизвестности. На открытом пространстве, где не было ни гор, ни каких-нибудь искусственных построек, чувствовалось осеннее, пронизывающее до костей прикосновение ветра. Деревья, чьи макушки упирались в небо, точно мощные колонны в крышу, мерно раскачивались в такт. Их сморщенные листья – грязно-золотые, бурые, тёмно-коричневые, даже кроваво-красные – причудливо кружась, опадали на землю, чтобы тут же присоединиться к своим собратьям. От этого чарующего зрелища Алине всегда становилось почему-то невыносимо грустно.

– Так что же произошло на том острове? – поинтересовалась актриса грубоватым низким голосом, рассеянно наблюдая стремительно меняющийся вид из окна.



Сирша Валентайн

Сейчас никто не смог бы признать в ней красивую светскую кокетку: Сирша Валентайн выглядела как типичный молодой господин среднего достатка. Она приклеила тёмные накладные усы и бакенбарды, даже сделала в местной парикмахерской удлинённую мужскую стрижку. На закономерный вопрос своей «жены», почему бы ей просто не надеть парик, девушка возразила, что всё должно выглядеть максимально правдоподобно, и внезапно отвернулась, пряча подозрительно подрагивающие уголки губ. Алине пришла тогда

в голову ехидная мысль, что, наверное, одна из главных постояльцев Дворца Талантов сама не может поверить в то, что пошла на подобную авантюру.

– В грамоте сказано только то, что за последние два месяца в окрестностях городка было убито четыре человека, – припомнила девушка, оценивающе разглядывая обручальное кольцо, которое красовалось на безымянном пальце её левой руки.

Признаться, Алина находила его несколько безвкусным: ей не нравились эти бледно-жёлтые топазы, даже несмотря на то, что они были выполнены с таким поразительным мастерством.

Сирша почему-то бросила на неё странный взгляд.

– Знаешь, Алина, что меня больше всего в тебе удивляет? – вздохнула актриса и, наклонившись вперёд, доверительно понизила голос: – Скажи, милая моя, ты хотя бы представляешь себе, как ведётся расследование? Может быть, уже делала подобное раньше со своими родственниками-службебниками?

– Разумеется, представляю. Я знать наизусть от корки до корки все дядины отчеты, – ничуть не смутилась Алина. Внезапно она прищурила свои чуть раскосые светло-зелёные глаза: – А откуда тебе вообще известно, что мои дядя и кузены работают в Службе?

– Да так, – уклончиво пробормотала Сирша, но, видя настойчивый взгляд девушки, всё же решила пояснить: – Одно время (ты только не подумай ничего лишнего: это было очень давно) я дружила с Жуаном Лайтером. Кстати, никогда бы не поверила, что однажды мне придётся им притворяться.

Алина рассмеялась, но смех её получился несколько натянутым: упоминание о похождении кузена, как всегда, сильно подпортило ей настроение.

– Допустим, тебе и вправду удастся найти убийцу – в чём я глубоко сомневаюсь, – начала актриса поучительным тоном. – Наставишь на него пистолет, защёлкнешь наручники, возможно, даже довезёшь до столицы. Но что потом? Позволишь своему двоюродному брату-бездельнику присвоить все твои заслуги?

Алина досадливо поморщилась: она не загадывала ещё так далеко. Больше всего на свете ей хотелось поскорее убраться из города, пока кто-нибудь из родственников не заметил пропажи областной грамоты, а заодно и самой девушки. Бабушке она написала небольшую извинительную записку, в которой сообщала, что ей нужно было срочно уехать к родственникам матери примерно на месяц (те жили в соседней стране). Девушка понимала, что поступает не очень-то хорошо по отношению к единственной родственнице, которая её искренне любила, но успокаивала свою совесть тем, что будет слёзно вымаливать прощения, после того, как возвратится домой.

– Нет, я расскажу им всю правду и потребую, чтобы меня приняли в Службу, – неожиданно для самой себя сказала Алина.

Впрочем, признаться, сейчас она понимала, что глубоко в душе планировала это с того самого момента, как увидела грамоту.

Сирша закашлялась и шокировано округлила светлые глаза: было видно, что подобного не ожидала даже она, закоренелая авантюристка.

– Что ты на меня так смотришь? – неожиданно разозлилась Алина. – Пойми, я больше не могу жить, как раньше. Довольно с меня! Всю свою жизнь я чувствовала себя так, будто играю чужую, навязанную кем-то роль. И знаешь, всё это глубоко мне уже опротивело.

– Ты можешь выйти замуж, – заметила актриса, проводя рукой по непривычно коротким волосам.

Алине стало интересно, жалеет ли её спутница о том, что так жестоко обошлась с некогда завидной причёской. К примеру, сама девушка никогда не смогла бы отрезать свои длинные светло-русые волосы.

– И продолжить влачить то же жалкое существование, только теперь ещё рожая и воспитывая детей в перерывах, – с сарказмом возразила на её предложение Алина, закатывая миндалевидные глаза.

Актриса наигранно вздохнула и покачала темноволосой головой. Мимо них медленно проехал экипаж с откидным верхом, чьи пассажиры – одетые по последней моде мужчина и женщина средних лет – приветливо кивнули девушкам, которых они, вероятно, приняли за молодожёнов. Алина мимолётно удивилась: она не привыкла к тому, чтобы знатные особы обращали на неё внимание. На мгновение девушка даже порадовалась, что Сирша заставила её надеть одно из своих тёмных дорожных платьев, которых у столичной актрисы оказалось в избытке.

– Ну, ты, конечно, не образец классической красоты, – Алина на этих словах обиженно хмыкнула, но Валентайн не обратила на это никакого внимания: – Однако вполне симпатичная девушка. *Charmante*. Думаю, если наденешь модное бальное платье и сделаешь причёску, можешь стать ничем не хуже так называемых столичных красавиц. Так что охомутай какого-нибудь дворянина – и потом читай себе книжки, гуляй с декоративными собачками, сиди часами перед зеркалом с позолоченной рамой, или что там ещё обычно делают аристократки. Может быть, тебе даже удастся не рожать каждый год детей.

Алина скривилась, как от резкой зубной боли.

– Я не хочу зависеть от мужчины. И уж тем более не буду бегать за каким-то там аристократом, – уверенно заявила девушка, кладя под голову одну из мягких декоративных подушек, что были в обилии разбросаны на сиденьях.

Как оказалось, актриса ценила в жизни, прежде всего, удобства, и потому решила взять с собой не только своего кучера, который был ей кем-то вроде личного слуги, но и собственную карету.

– Я хочу стать такой, как ты, – продолжала тем временем Алина. – Самостоятельной, независимой. Женщиной, которая в состоянии распоряжаться собственной жизнью, как пожелает того сама.

Сирша на последних словах рассмеялась с неожиданной горечью. Её спутница покосилась на неё с искренним недоумением.

– Мисс Лайтер, вы рассуждаете точно наивная маленькая девочка! – воскликнула она, снова машинально потирая то самое – теперь Алина была в этом уверена – припухшее запястье. – Я, к твоему сведению, зависима от мужчин больше, чем любая замужняя дама или простолюдинка. Да и вообще в наше время жизнь любой женщины – будь она хоть проституткой, хоть королевой – с самого рождения принадлежит представителям сильного пола.

Последние слова прозвучали с долей обречённости, однако Алина вместо того, чтобы проникнуться этим чувством, неожиданно громко расхохоталась.

– О, небо! Сирша, ты смотришься так потешно, когда говоришь подобные вещи, сидя с усами и в мужском костюме, – удалось выдать ей между всхлипываниями, отдававшими лёгкой истерикой.

– Меня зовут Жуан, дорогая! – наигранно возмутилась актриса, тоже с трудом сдерживая улыбку. – Представь себе, что будет, если ты по привычке назовёшь меня женским именем в обществе этих отсталых селян.

Девушки дружно рассмеялись, представив себе подобную сцену, правда, на миг Алина внутренне содрогнулась от предчувствия того, что, скорее всего, именно так оно и будет.

– Знаешь, – с внезапной серьёзностью начала Сирша спустя пару минут, – некоторые особы любят, сидя на диване, рассуждать на философские темы, что, мол, у каждого из нас в жизни свои роли и тому подобная галиматья, но, поверь мне, всё это не более чем пустые разговоры. По сути, существуют только две ипостаси: мужская и женская. И поистине удачлив лишь тот, кто сумел побывать в каждой из них.

Они провели в пути уже около трёх дней. Долгая дорога в трясущейся карете, которая нещадно подпрыгивала на каждой кочке, изрядно утомила молодых сентенок. Обе уже не могли дожидаться того момента, когда же, наконец, придут на остров.

На востоке занимался ленивый рассвет, а вдалеке на севере виднелась серая полоска залива. Оттуда стелился густой, тяжёлый туман, который сильно ухудшал видимость. От сырости было трудно дышать, и с непривычки даже начинало першить в горле. Девушки не понимали, как люди могли добровольно поселиться в подобном месте.

Когда карета проезжала железный мост, тот самый, что был проложен до Туманного Утёса, Алина незаметно для себя задремала. В своём беспокойном сне она выглядела такой уставшей и совсем ещё юной, что Сирша, которая вначале хотела поделиться своими впечатлениями о необычной постройке (та, по её авторитетному мнению, была совершенно уродливой), взглянув на Алину, всё же решила её не будить.

Когда девушка проснулась, карета уже подъезжала к городу. По-видимому, её разбудил внезапно раздавшийся волчий вой. Впрочем, вместо того, чтобы испугаться, Алина почему-то грустно улыбнулась. Признаться, одинокая волчья песня показалась ей необычайно трогательной и печальной. На миг девушка даже представила, что на самом деле там рыдают несчастные люди, а не воют от голода кровожадные звери.

Сирша же, напротив, испуганно вскрикнула и отдёргнула занавеску, чтобы выглянуть в окно. Алина потёрла лицо ладонями, чтобы пробудиться ото сна, и последовала её примеру.

Местный пейзаж заставил обеих путниц невольно поёжиться. Надо сказать, что на острове осенняя пора была намного заметнее, чем на материковой части страны. Раскинувшиеся по обе стороны дороги поле, с которого недавно собрали урожай («Наверняка скудный: что только может вырасти в таком промозглom месте!» – воскликнула Сирша), было вновь засеяно какой-то поздней культурой. На деревьях, тёмной полосой видневшихся неподалёку, прямо за озимью, почти не осталось листьев. Почему-то это было особенно страшное зрелище. Голые тонкие ветви торчали в воздухе, как освежёванные тела каких-нибудь несчастных, несправедливо осуждённых на страшную казнь бедняков.

Алина вздрогнула от странных мыслей, посетивших её внезапно разболевшуюся голову. Безусловно, она пребывала в сильном волнении: ещё никогда раньше девушке не приходилось притворяться кем-то другим, и потому она страшно боялась ошибиться и тем самым раскрыть их секрет.

Городские ворота, к которым привела экипаж незатейливая сельская дорога, размякшая от частых осенних ливней, представляли собой полуразрушенную каменную арку, на вершине которой стояла скульптура какой-то сказочной птицы. Вероятно, это был феникс. Под фигурой красовалась надпись на незнакомом древнем языке, выгравированная крупными позолоченными буквами. Алина, которая получила весьма посредственное образование и в основном увлекалась лишь художественной литературой, не могла сказать, что она означала, а спрашивать Сиршу ей почему-то не хотелось: у актрисы был сильно задумчивый, погружённый в себя взгляд.

Под надписью девушка также разглядела небольшое четверостишие. Оно было выгравировано мелкими буквами, которые сильно стёрлись от дождя и времени, но разобрать написанное всё же не составляло труда:

**Безропотно склоняетесь пред нами:
Вы призраки и тени без лица.
Мы куклами вас сделали, рабами —
Останетесь такими навсегда.**

Прочитав стихотворение, Алина удивлённо приподняла брови: фамильный девиз оказался ей весьма необычным.

Карета наконец-то въехала в город. Почему-то прямо за воротами, по одну сторону от узкой дороги, которая представляла собой протоптанную колею, располагалось городское кладбище. Сентенки удивлённо переглянулись. Алина почувствовала, как её начинает терзать болезненное любопытство: интересно, какие же ещё странности может скрывать с виду самый заурядный сельский городок?

Из труб жилых домов, в большинстве своём деревянных (исключение составляли, пожалуй, лишь несколько белокаменных построек), валил густой дым, который тут же смешивался с туманом. Улицы казались вымершими: несмотря на послеобеденное время суток, островитяне предпочитали сидеть в своих домах, заперев двери и наглухо закрыв почти все окна. Домашние животные в загонах и стойлах также не подавали признаков жизни: лишь апатично пережёвывали сено, слегка подсыревшее из-за влажного воздуха, и без особого интереса наблюдали за незнакомым экипажем. Даже Алине стало немного жутко от той мрачной картины, что представлял собой Туманный Утёс. Впрочем, несмотря на то, что на острове оказалось далеко не так, как представляла себе девушка, у неё всё равно не возникло ни малейшего желания вернуться в столицу.

Неожиданно Алина почувствовала, что на неё кто-то смотрит и, подняв голову, тут же встретила взглядом с юной темноволосой девушкой, которая с любопытством наблюдала за их каретой из распахнутого окна второго этажа. Местная жительница, видя, что её заметили, подмигнула путницам, после чего исчезла в глубине комнаты, захлопнув с глухим стуком деревянные ставни. Алина искренне подивилась её поведению: неужели незнакомка чего-то испугалась?

Сирша, разглядывая окружающую обстановку, тоже удивлённо хмурила свои приклеенные брови (которые, наверняка, были для неё непривычно густыми). Казалось, что в самом влажном тяжёлом воздухе стояла отчуждённость, словно незнакомым людям на острове были совершенно не рады.

Впереди виднелся огромный каменный особняк, который с первого взгляда запросто можно было принять за постоялый двор. От него исходила тёплая дымка уюта, старинной роскоши, которую невозможно было спутать с подделкой. Из окон дома струился манящий гостеприимный свет – он наводил на мысли о вкусном, горячем ужине и мягкой чистой постели. Само здание располагалось в некотором отдалении от большинства домов и было построено на естественной возвышенности, от чего казалось, будто особняк нависает грозной тучей над всем городком. Старинный дом вдруг напомнил Алине, прочитавшей за последние несколько лет огромное количество романов, о тех далёких временах, когда люди предпочитали строить себе надёжные замки с крепостными стенами и глубокими рвами. Она даже представила себе, что их экипаж на самом деле перенёсся на несколько столетий в прошлое. «И в этом замке жил один деспотичный, но справедливый сеньор, которому служило немало благородных рыцарей, готовых отдать за доблестного господина собственную жизнь. А в высокой башне, той самой, что каждое утро первой встречала восход солнца, проводила одинаковые серые будни его красавица-дочь. Ей было очень одиноко и скучно, но девушка тешила себя мыслью, что впереди её ещё ждут надежда и счастье...» Алина усмехнулась собственным мыслям: она никогда не жаловалась на бедное воображение.

Когда экипаж, колёса которого постоянно увязали в дорожной грязи, наконец, подъехал к воротам особняка, начал накрапывать мелкий, холодный дождь. Выбравшись из кареты, Сирша, не забывая играть роль учтивого джентльмена, протянула руку своей спутнице. Алина, не удержавшись, болезненно скривилась, но помощь всё же приняла. Кучер, по приказу актрисы, погнал лошадей в конюшню, которая располагалась в некотором отдалении

от дома. Сентенки поспешили под навес и, стараясь вести себя как настоящие супруги (для этого Алина взяла Сиршу под локоть), вежливо постучались в дверь. Впрочем, когда после нескольких томительных минут ожидания никто так и не впустил их внутрь, девушки обменялись не очень-то удивлёнными взглядами: что же ещё следовало ожидать от жителей, которые хоронят умерших прямо перед своими домами?

Глава 2. Островная провинция

Привычная угрюмая атмосфера, что царила во всей остальной части города, казалось, обошла графский особняк стороной. Люди в старинном каменном доме наслаждались светским вечером, к слову, весьма частым явлением на острове, который, по мнению хозяев, должен был приободрить всех в «эти тёмные времена». Одни гости танцевали под музыку в центре зала, другие играли в традиционные настольные игры. Остальные, сидя в уютных креслах с искусной резьбой, которая затейливо украшала массивные деревянные ручки, оживлённо обменивались свежими сплетнями за чашечкой чая.

Внезапно входная дверь распахнулась с характерным для неё резким стуком – и в помещение вошла молодая пара, с виду совершенно не примечательная. К незнакомцам тут же обратилось множество любопытных глаз. Оба они были примерно одинакового роста, чуть выше среднего, и носили одежду из недорогой, но явно добротной ткани. Молодая светловолосая девушка с бледным лицом и выразительными миндалевидными глазами показалась присутствующим мужчинам очень хорошенькой, что называется «свежей» – впрочем, большинство женщин сочли её обыкновенной дурнушкой. Её спутник, по-видимому, муж, если судить по обручальным кольцам, что красовались на руках незнакомцев, был темноволос, несколько то ли хрупок, то ли худощав, имел красивые правильные черты лица и невообразимо длинные ресницы, которым позавидовала бы любая представительница прекрасного пола. Безусловно, здешним дамам он понравился куда больше, нежели его супруга. Ну, а что до мужчин, то некоторые из них мимолётно подумали, что с этим молодым человеком было что-то не так. Что именно, никто из местных жителей сказать точно не мог, но в голове у многих присутствующих здесь неожиданно раздался тревожный звоночек. Впрочем, если говорить откровенно, в параноидальном поведении островитян не было ничего удивительного, учитывая кем в своё время являлись их достопочтенные предки.

Как только они, так и не дождавшись служанки, решили сами открыть дверь, которая, к счастью, оказалась незапертой, и наконец-то попали внутрь здания, то сразу же стали центром внимания большинства присутствующих в зале. Их с любопытством рассматривали и разодетые господа, и слуги, спешившие куда-то с подносами, и обычные горожане, которые всем своим видом напоминали ремесленников и землепашцев, неизвестно каким боком затесавшихся в подобное общество.

Казалось, их не замечала только небольшая группа молодых людей: они кружились неподалёку от старинной лестницы, ведущей на второй этаж, в быстром, неклассическом танце. Им подыгрывали на громоздких инструментах расположившиеся у соседней стены музыканты, а неподалёку, на импровизированной сцене, стояла девушка в белом платье с распущенными золотистыми волосами, плавными волнами ниспадающими на открытую спину, и хорошо поставленным, громким голосом пела какую-то местную песню.

**На острове, в Утёсе,
Красавица живёт.
Судьба её немало
Всем горя принесёт.**

**Глаза её бездонны,
Но в них не виден свет.
А знаки на ладони
Как эхо прежних лет.**

Таинственная сила
С рождения дана —
Во власть свою влюбиться
Она обречена.

Судите её строго!
Вам деву не найти:
Красавиц нынче много,
Но силы нет в крови.

С рождения скрываться
Научена она.
Их двое, может, статья —
Иль целая семья!

Живут они с проклятием:
Оно у них в крови.
Родня, что так опасна,
Ты маску все ж сними!

Семья, что нас погубит,
А узы – разорвёт.
Всех тех, кто их полюбит,
Могила заберёт.

Зачем же так печально
Должна кончаться сказка?
Ужели им деянья
Исправить не подвластно?

«На что тебе игрушки,
Красавица моя?
Кому ты ложь расскажешь:
Вся родина мертва!

Тебя мы не любили:
Ты всё отобрала.
За что и поплатилась.
Ты, девочка, глупа!»

Они хотели счастья,
Но каждому – своё.
В лесу нас ждёт проклятье,
А балом правит зло.

— Милая, я отойду ненадолго? — неожиданно сказала Сирша, освобождая локоть из крепкой хватки своей спутницы.

Алина вздрогнула и с недоумением посмотрела на актрису. Признаться, песня заставила девушку забыть, где и почему она находится. Эта музыка, эти слова, которые, казалось, не имели никакого смысла, неожиданно запали ей глубоко в душу. Но как только Алина открыла рот, чтобы попросить Сиршу не оставлять её одну в обществе этих селян, что напоминали ей стаю голодных акул, актриса уже успела раствориться в толпе. Девушке оставалось лишь недоумённо пожать плечами и прожечь гневным взглядом место, где недавно стоял её «заботливый супруг».

От нечего делать Алина принялась разглядывать зал. Богатая обстановка, красиво разодетые дамы и кавалеры внушали ей едва ли не ужас. На их фоне девушка чувствовала себя невзрачной и серой. Вспомнив о Сирше, Алина гневно поджала губы: поступок актрисы, вне всякого сомнения, был достоин порицания. Как она могла просто так уйти?! Девушка покачала головой и направилась в сторону лестницы: ей показалось, что там было меньше всего людей.

Засмотревшись на певицу, которая напоминала прекрасное сказочное создание, Алина нечаянно задела плечом проходившего мимо молодого человека, в результате чего содержимое его бокала выплеснулось на стоявшую впереди рыжеволосую девушку. Последняя круто развернулась и гневно посмотрела на тех, кто посмел испортить её дорогое, явно сшитое на заказ платье. Тут, однако, её симпатичное лицо внезапно переменялось, будто солнце выглянуло из-за туч, и девица с широкой улыбкой на губах обратилась к юноше, совершенно позабыв о причинённом ущербе:

– О, лорд Эштон, мы и не думали, что вы сегодня почтите нас своим присутствием, – казалось, она совершенно не замечала присутствия Алины.

Впрочем, девушку это нисколько не задевало: было бы намного хуже, если бы «пострадавшая» набросилась с обвинениями на неуклюжую незнакомку.

– Отчего же, позвольте спросить? – наигранно и не очень вежливо, по мнению Алины, удивился молодой человек.

– Ну, – несколько растерялась рыжеволосая, теребя в руках пышную юбку нежного кремового цвета – было видно, что она не знает, как выпутаться из этой неловкой ситуации. Потом, немного помолчав, она добавила с глубоким сочувствием: – Соболезную вашей утрате. Граф был очень... душевным человеком.

Тот, кого она назвала лордом Эштоном, коротко и, надо сказать, несколько неприязненно усмехнулся в ответ на её последние слова. Это, казалось, её отрезвило – и девица наконец-то вспомнила про пятно, что красовалось на широком рукаве её бального платья.

– Ох, прошу меня извинить, милорд, – пробормотала она.

Отступив на пару шагов, рыжеволосая ещё некоторое время внимательно разглядывала лицо молодого человека, будто хотела запечатлеть его образ в своей голове. Потом, видимо, опомнившись, выдала несколько скованный реверанс и, неловко развернувшись на каблуках, стремительно направилась в сторону ближайшей двери.

Алина отчего-то облегчённо вздохнула и перевела взгляд на молодого человека, пострадавшего по вине её неуклюжести. У него были чёрные волосы и, кажется, тёмно-карие глаза: в тускло освещённом помещении девушка не могла определить их точный цвет. Его белая, точно мраморная кожа, правильные черты лица и высокая статная фигура говорили о чистокровном аристократическом происхождении, что не могло не удивлять. Также Алина мимолётно подумала, что он, пожалуй, был самым красивым из всех, кого ей доводилось видеть.

В то же время незнакомец держался крайне заносчиво и неприступно. Было в выражении его лица, в жестах нечто такое, что свидетельствовало об излишней серьёзности и гордости, едва ли не высокомерии. Молодой человек показался Алине не очень приятным: под

пристальным взглядом его тёмных глаз, в которых плескался холодный расчётливый ум, девушка почувствовала себя несколько неуютно.

– Прошу меня простить, милорд: я такая неуклюжая, – запоздало извинилась она, почтительно наклоняя голову.

– Ничего страшного. Но впредь будьте осторожней, – казалось, что темноволосый незнакомец имел в виду вовсе не испачканное платье местной жительницы.

Алина натянуто улыбнулась и украдкой посмотрела по сторонам. Отсутствие Сирши с каждой минутой беспокоило её всё сильнее и сильнее.

– Вы кого-то ищите, миледи? – поинтересовался её собеседник безразличным голосом.

– Пожалуй, да, – немного заторможено ответила Алина: она почему-то, точно зачарованная, никак не могла отвести от незнакомца взгляд.

Впрочем, признаться, ей всегда нравились красивые вещи.

– Вы случайно не знаете, где можно найти графа Сергея Валлоу?

Насколько она помнила, этот господин значился в областной грамоте представителем Туманного Утёса.

– Вы уже виделись с ним. Сразу после того, как въехали в город, – видя полный недоумения взгляд девушки, незнакомец скривил губы в невесёлой усмешке. – Граф, искреннее спасибо убийце, покоится на городском кладбище с конца прошлой недели. Но вы всегда можете обратиться к его вдове, леди Элизабет Валлоу.

И он приглашающе кивнул кому-то в толпе.

Алина заметила, как одна из дам, которые сидели за низким столиком у стены и играли в настольные игры, вдруг встала и направилась в их сторону. Девушка, крайне удивлённая подобным поворотом событий (кто же мог подумать, что за время их поездки убьют ещё одного человека, и, между прочим, самого представителя!), попыталась нацепить на лицо приветливую, располагающую к себе улыбку. Впрочем, она всё равно не добилась успеха: на её бледном, немного уставшем лице застыло нечто, напоминавшее нервную гримасу.

Внезапно откуда-то появилась Сирша и успокаивающе сжала её холодную руку. Лорд Эштон посмотрел на переодетую девушку с лёгким оттенком презрения и, ничего не сказав, безразлично отвернулся в сторону.

Алина постаралась придать своему лицу максимально равнодушное выражение. Впрочем, несмотря на обиду, она была очень рада возвращению своей спутницы.

Тут к молодым людям подошла светловолосая дама средних лет в искристо-чёрном шёлковом платье. Надо сказать, что Элизабет Валлоу – а это была именно она – отличалась весьма привлекательной внешностью. Она могла справедливо похвастаться не мимолётной красотой юности, а выработанным шармом уверенной в себе женщины.



Графиня Элизабет Валлоу

– Добрый вечер, мои дорогие! Добро пожаловать в Туманный Утёс, – воскликнула она с приветливой улыбкой на полных, красиво очерченных губах. – Мы угостим вас чашечкой чая, даже если вы окажетесь переодетыми черноговардейцами. Небо, да не пугайтесь вы так! Я просто пошутила.

На слове «переодетые» Алина едва заметно вздрогнула. Впрочем, проницательная вдова тут же почувствовала её испуг: за вежливыми улыбками Элизабет Валлоу, несомненно, скрывались настороженность и острый ум.

– Благодарим вас за оказанное гостеприимство, миледи, – ответила Сирша светским тоном и галантно поцеловала протянутую руку графини: – Столичная Служба прислала нас с супругой расследовать убийства в Туманном Утёсе. Жуан и Алина Лайтеры к вашим услугам.

Не обращая внимания на любопытную публику, которая жадно вслушивалась в каждое её слово, актриса с завидной непринуждённостью расстегнула кожаную мужскую сумку, которую прихватила с собой из кареты, и достала оттуда областную грамоту; после чего почтительно протянула бумагу леди Элизабет. Алине показалось, что в больших тёмно-зелёных глазах вдовы появилось неподдельное удивление.

– В таком случае город вам искренне благодарен. Меня, как вы, наверное, уже знаете, зовут Элизабет Валлоу – я вдова почившего графа. А это наш новый городской представитель и по совместительству мой пасынок барон Эштон Блад, – медленно проговорила хозяйка дома, слегка наклонив голову в сторону темноволосого молодого человека. Немного помолчав, она дружелюбно добавила: – Службникам в Туманном Утёсе всегда рады. Окажите честь, останьтесь в нашем доме.

Сирша отвесила ей короткий, но весьма почтительный поклон.

– С большим удовольствием, – пробормотала Алина, несколько удивлённая подобным гостеприимством.

Признаться, она ожидала, что их поместят в каком-нибудь деревянном сарае.

– Уверена, вы устали с дороги. Не беспокойтесь! Вам помогут устроиться со всеми подобающими удобствами, – тепло улыбнулась вдова и знаком пригласила их следовать за собой.

Барон попрощался с новыми знакомыми довольно сухо и тут же скрылся в толпе.

Подойдя к широкой лестнице, той самой, возле которой местные жители устроили импровизированные танцы, леди Элизабет жестом подозвала к себе смугловатую служанку и что-то коротко прошептала ей на ухо. Девушка согласно наклонила голову и, вежливо попросив путниц пройти вместе с ней, проворно зашагала по ступенькам на второй этаж. Гости почтительно раскланялись с вдовой, которая, в свою очередь, пригласила их спуститься через час в гостиную на чашку чая, и последовали за служанкой.

Когда они поднимались по ступенькам, Алину внезапно пробрал истерический смех. Она плотно сжала губы и отвернулась, чтобы ничем не выдать своего веселья, которое могло показаться постороннему наблюдателю совершенно беспричинным. Неожиданно её взгляд поймала светловолосая певица в белом платье: она расположилась на низком диванчике у стены и медленно потягивала какой-то напиток. Алине показалось, что на лице красавицы промелькнуло нечто, похожее на удивление. Впрочем, девушка не могла быть в этом уверена: между ними было слишком большое расстояние. К тому же, она никогда не отличалась умением читать по лицам. Алина мимолётно нахмурилась, сама не зная чему, но вскоре благополучно обо всём забыла.

Комната, в которую привела столичных гостей молчаливая служанка, оказалась гостевой спальней, весьма просторной и, разумеется, богато обставленной. В центре помещения

красовалась огромная двуспальная кровать с жемчужно-белыми простынями, заставившая Алину неожиданно закашляться. Сирша, напротив, проявила большую стойкость: она разглядывала окружающую обстановку с равнодушно-скучающим выражением на красивом лице.

– Благодарим, – улыбнулась краешком губ актриса, обернувшись к горничной. – Будь добра, скажи леди Элизабет, что мы скоро спустимся.

– Разумеется, милорд, – отвесила короткий, по-сельски непринужденный поклон девушка и попятилась к выходу. Однако подойдя к двери, она вдруг резко обернулась и взволнованно прошептала: – Прошу вас, никому не доверяйте в Утёсе! И спасибо, что приехали: вы посланы нам небом, не иначе.

Когда за темноволосой служанкой наконец-то захлопнулась дверь, Алина с Сиршей удивлённо переглянулись: несомненно, в городке творилось нечто странное. Впрочем, об этом они догадывались уже давно: признаться, с того момента как миновали каменную арку. Само собой разумеется, что островитяне были крайне напуганы в виду повторявшихся убийств, но всё же девушкам казалось, что здесь таилось что-то ещё.

Актриса, на мгновение сжав двумя пальцами тонкую переносицу, стала мерить комнату широкими мужскими шагами: видимо, не хотела выходить из образа даже сейчас, когда девушки остались совершенно одни.

– Сир... дорогой, – исправилась Алина под недовольным взглядом темноволосой, – а куда ты уходил, когда мы были в зале?

Она предусмотрительно аккуратно опустилась на край постели. Данный предмет мебели оказался весьма мягким и пружинистым, так что девушка чуть было не упала спиной на кровать.

– Я увидел, как Рой зашёл внутрь вместе с нашими чемоданами, – поведала актриса причину своего таинственного исчезновения. – Приказал ему следить за нами, а потом незаметно передал пистолет. И не смотри на меня таким взглядом, дорогая: верных слуг, как известно, не падают на тарелках!

Впрочем, Алина рассердилась не столько потому, что Сирша осмелилась держать холодное оружие у всех на виду, а, скорее, по той причине, что пистолет достался не ей самой. Об этом девушка и поведала актрисе, которая, казалось, была чем-то недовольна.

– Так ты совершенно безоружна? Почему же раньше мне не сказала? – сердито упрекнула её Сирша.

Девушка неопределённо передёрнула плечами и виновато развела руки в стороны. Актриса, язвительно усмехнувшись, вытащила из потайного кармана своего дорожного пиджака короткоствольный пистолет и протянула его Алине. Светловолосая девушка приняла оружие с искренней благодарностью. Впрочем, холодная сталь ощущалась в её руках крайне непривычно.

Внезапно раздался тихий стук, и Алина быстро спрятала пистолет в рукаве платья. Девушки напрялись, но когда Сирша осторожно приоткрыла дверь, на пороге стоял её слуга, смугловатый молодой человек по имени Рой. Вежливо поклонившись, он поставил их чемоданы у стены и, уходя, сообщил, что его уже разместили в крыле для прислуги.

Прошло пару минут. Сирша продолжала нарезать по комнате неспешные круги.

– Может быть, скажешь, что с тобой происходит? – наконец, не выдержала Алина: признаться, от этой «прогулки» у неё уже начинало рябить в глазах.

– Ничего, – раздраженно отозвалась Сирша, но всё же решила остановиться. – Я наконец-то вспомнил, где раньше видел эту певицу (между прочим, она чем-то похожа на тебя). Ты только представь: девчонка не кто иная, как родственница самой графини Тессинеи Виллармар!

Алина удивлённо выгнула тёмно-серую бровь. Впрочем, фамилия Виламар, как ни странно, ни о чём ей не говорила.

– А кто это – Виламар? – заинтересованно спросила девушка, внезапно почувствовав себя отсталой деревенщиной.

– Алина, ты изволишь шутить? – удивилась Сирша. – Это ведь почти тоже самое, что не знать, кто такие Олисбет и Эванджелайн Лайсвешы³!

– Увы, на самом деле, я говорю совершенно серьёзно, – честно созналась мисс Лайтер и несколько обиженно добавила: – Не все же сентенцы могут позволить себе ездить в Хайларт⁴, как в загородный домик на выходные.

На это актриса выразительно закатила свои раскосые глаза.

– Неужели твои Виламары – члены королевской семьи? – с долей ехидства поинтересовалась светловолосая девушка.

– Разумеется, нет, – неожиданно совсем по-женски фыркнула Сирша, на мгновение выходя из образа. – Но тем не менее они очень близки к Ласвейшам. Тессиней Виламар, например, старшая фрейлина принцессы.

– А местная Виламар тебя случайно не узнает? – вдруг испугалась Алина.

– Я в этом сильно сомневаюсь, – поморщилась актриса. – Мы видели друг друга мельком около пяти лет назад. И знаешь, Джессамина Виламар запомнилась мне как человек, который не замечает ничего, кроме собственного отражения. Не думаю, что она изменилась за это время.

Алина бросила на Сиршу удивлённый взгляд: ей показалось странным, что актриса отзывается с такой неприязнью о малознакомой девушке. Впрочем, подумала мисс Лайтер, у них были дела намного важнее, чем обсуждать давние обиды актрисы.

– Не стоит заставлять нашу гостеприимную хозяйку ждать, – решила Алина, с видимой неохотой приподнимаясь с мягкой, нагретой её телом перины.

– Разумеется, не стоит, – рассеянно согласилась Сирша, не глядя на светловолосую девушку: по-видимому, её занимали собственные мысли.

Актриса подошла к зеркалу и поправила накладные бакенбарды и усы, одёрнула свой элегантный дорожный пиджак. Алина не могла не признать, что из неё получился статный и весьма привлекательный молодой человек. Приведя себя в порядок, Сирша направилась к выходу, но неожиданно замерла, как вкопанная, и, обернувшись, внимательно посмотрела на Алину.

– Только не говори, что собираешься пить чай в дорожном платье! – воскликнула она крайне эмоционально. – Это недопустимо!

– Что тебе не нравится в моей одежде? Между прочим, это платье ты сама мне одолжила, – простодушно удивилась девушка: она совершенно не понимала странного поведения Сирши.

– Оно дорожное! – по слогам повторила актриса, раздосадованная непониманием со стороны Алины. – В нашем обществе не принято носить дорожную одежду в помещении: это, в первую очередь, прямой признак неуважения к хозяевам.

Алина поборола инстинктивное желание возвести очи горе: признаться, подобные условности всегда казались ей глупыми.

– Ясно, – обречённо вздохнула она спустя пару мгновений и направилась к чемоданам, чтобы найти «подходящую» одежду.

Какого же было её удивление, когда среди аккуратно сложенных вещей не оказалось не единого знакомого ей платья. Теперь уже она не выдержала и насмешливо закатила глаза.

³ Принцесса и королева Ластертада. – Прим. автора.

⁴ Королевский дворец в Ластертаде. – Прим. автора.

Надо сказать, Сирша не поскупилась: видимо, пожертвовала девушке половину своего гардероба.

Глава 3. Местные легенды

В уютно обставленной гостиной на первом этаже проходило незапланированное чаепитие. Семь человек удобно расположились на мягкой старинной мебели и вели неторопливую беседу под усыпляющий треск дров в камине. Пятеро из них носили гордое звание городского совета, двое других были гостями из далёкой столицы – последнее, надо сказать, было весьма редким явлением на этом туманном острове.

Вдова графа Валлоу с обворожительной улыбкой на устах развлекала общество ничем не значившими местными новостями и сплетнями и, по-видимому, не торопилась переходить к делу. Эштон Блад наблюдал за всеми присутствующими с непередаваемой скукой на красивом лице и временами о чём-то едва слышно перешептывался с миловидной темно-волосой девушкой, которая представилась его старшей сестрой. Моника Оливер была очень похожа на своего брата: у неё были тёмные, слегка волнистые волосы, надменный, аристократический взгляд и правильные черты лица. Она почти непрерывно вела какие-то записи в толстой тетради с тёмно-синей обложкой, которая, судя по всему, выполняла функции дневника.

Помимо них в комнате ещё присутствовали Стефан Сентмель, почтённый судья с редкими волосами на шарообразной голове, и столичный черногвардеец Вадис Дитрейс, достаточно привлекательный молодой мужчина с белозубой улыбкой, которая сильно выделялась на его чуть смугловатом лице. К слову, последнего здесь несколько недолюбливали: это было заметно по тем косым взглядам, что бросали на него Моника Оливер и господин Сентмель, стоило ему только открыть рот.



Вадис Дитрейс

Молодые «служебники» расположились в некотором отдалении от всех остальных и явно чувствовали себя не в своей тарелке. Впрочем, последнее относилось преимущественно к Алине, которая, уступив уговорам Сирши, облачилась в пышное дымчатое платье, расшитое жемчугом и мелкими драгоценными камнями. Светловолосая девушка чувствовала себя в подобной одежде крайне неудобно и в основном предпочитала молчать или отделываться общими фразами. Также Алина рассеянно поглядывала на семейные портреты,

которые, как она успела заметить, являлись одним из главных украшений большинства комнат этого каменного дома. Несколько раз она ловила себя на том, что непроизвольно поглядывает на дверь и затравленно покусывает нижнюю губу. Впрочем, причиной её нервозности, скорее всего, являлось обычное нетерпение и, может быть, лишь в некоторой степени волнение в незнакомом обществе.

Сирша же, напротив, удивительно быстро приспособилась к новой обстановке. Она перебрасывалась вежливыми фразами с судьёй, почтительно улыбалась леди Элизабет и вообще, казалось, чувствовала себя вполне свободно. Кроме того, актриса, не забывая играть роль любящего супруга, медленно накручивала на пальцы слегка выющиеся локоны Алины, чем немало раздражала последнюю. Девушке почему-то казалось, что Сирша намеренно хочет перед кем-то порисоваться.

– О, дорогие мои, прошу прощения! Уверена, вы смертельно устали после длинной дороги и хотите поскорее перейти к делу, – проявив неожиданную проницательность, со светской теплотой в голосе воскликнула леди Элизабет.

Алина заметно оживилась: признаться, предложение хозяйки особняка весьма ей понравилось.

– Да-да, наша очаровательная леди Элизабет, как всегда, абсолютно права, – смешно закивал лысеющей головой судья и обратился к Сирше: – Будьте добры, мистер Лайтер, расскажите нам всё, что вам известно об этой крайне неприятной истории.

– В течение двух месяцев на острове были найдены тела четверых, прошу прощения, пяти убитых, – актрисе не составило труда вспомнить все детали происшедшего. – Первыми жертвами значатся дворецкий городского представителя и сопровождавший его конюх. В следующем месяце похоронили Авалайн Кларк, молодую горничную. А через пару недель в подвале графского дома обнаружили тело виконта Олеандра Оливера, разорванное на части. Последним, уже совсем недавно, был убит сам граф Валлоу. Считается, что все эти страшные деяния – дело рук одного и то же человека.

Все присутствующие в гостиной, за исключением сентенцев, многозначительно переглянулись между собой.

– Что-то не так? – удивилась Алина.

Интуиция подсказывала ей, что от них что-то упорно пытаются скрыть.

Черногвардеец громко откашлялся, за что получил недовольный взгляд от господина Сентмея.

– Это и есть вся информация, которую вам поведало начальство? – уточнил Вадис Дитрейс, задумчиво проводя рукой по своим коротким тёмно-каштановым волосам.

– Да, – с некоторой запинкой ответила девушка, делая маленький глоток крепкого обжигающего чая, и, подавив иррациональное желание зажмуриться, вдруг выпалила: – Ответьте, пожалуйста, на один вопрос. Вы кого-нибудь подозреваете?

Наступило несколько мгновений оглушающей тишины.

– Миссис Лайтер, вам известно что-нибудь из истории Туманного Утёса? – неожиданно спросила вдова, рассеянно перебирая бусы из чёрного жемчуга, которые красовались на её белоснежной точёной шее.

– К сожалению, нет, – честно призналась Алина, незаметно отодвигаясь в сторону от актрисы: ей не нравилось то, что её постоянно дергают за волосы. – Но, простите, разве история имеет какое-то отношение к настоящей ситуации?

– Самое прямое, – плавный, обладающий какой-то задушевностью голос Моники почему-то заставил Алину внутренне вздрогнуть. – Мы имеем основание подозревать, что наш убийца, как бы это сказать, не совсем человек. Вполне возможно, что все погибшие на острове люди являются жертвами Мёртвого леса.

– Простите? – признаться, девушка была крайне удивлена подобным объяснением случившегося.

Первые несколько секунд она даже не сомневалась в том, что ослышалась.

Обворожительная вдова Валлоу испустила долгий судорожный вздох, потом многозначительно переглянулась с падчерицей.

– Около пяти столетий назад Туманный Утёс был в некоторой степени не совсем обычным поселением, – издалека начала леди Элизабет, медленно попивая горячий чай из расписной фарфоровой кружки. – В посёлок, изолированный от других частей страны, ссылали различных преступников, которым по неизвестной причине не нашлось места ни на каторге, ни на эшафоте. Люди эти жили и работали под постоянным надзором столичных стражников. Тогда большинства зданий ещё не было: их построили значительно позже. В те далёкие времена здесь стояло только четыре белокаменных здания – в них жили начальники. Они располагались точно по периметру огороженной территории, свободной от леса и прибрежных скал. Между прочим, эти дома сохранились и по сей день. Мы, к примеру, находимся сейчас в одном из них – самом большом.

Преступников содержали в нечеловеческих условиях, заставляли строить подземные шахты и добывать какие-то вредные для здоровья металлы. Железные мост, который соединяет нас с материковой частью Ластертада, кстати, тоже их подневольная заслуга.

Питались ссыльные лишь тем, что удавалось найти в окрестных лесах в свободное от работы время – чаще всего поздними вечерами или же ранним утром. Разумеется, было много умерших. Их хоронили прямо перед въездом в тюремное поселение: наверное, для устрашения тех, кто ещё оставался в живых.

Потом на острове что-то произошло: к сожалению, никто так и не узнал, что именно это было...

– Но догадки, конечно же, у нас имеются. И даже есть несколько неопровержимых доказательств, – подхватил Сентмель, как только она замолчала. – Когда черноговардейцы (в то время это был малочисленный, никому не известный королевский отряд) впервые прибыли на остров, то они увидели следующую картину. Представьте себе огороженное поселение, по которому были разбросаны мёртвые тела бывшей стражи, разорванные на куски нечеловеческой силой, и изголодавшихся преступников, которые, точно неприкаянные скелеты, бродили по всей окрестности. Повторю слова очаровательной леди Элизабет: случившееся четыре века назад по-прежнему остаётся для нас загадкой. Но лично я думаю, что тут всё ясно без слов.

Алина и Сирша одновременно бросили на судью ничего не понимающие взгляды.

– Господин Сентмель пытается вам сказать, что некоторые из преступников, которые больше других были зациклены на мести, заключили нечестивый союз и были прокляты вечно скитаться в Мёртвом лесу, – неожиданно решил дополнить странный рассказ Эштон Блад.

В его высокомерном, немного насмешливом голосе отчётливо звучало ехидство, по крайней мере, именно так показалось Алине.

– Пятеро убитых были растерзаны с той же нечеловеческой силой, что и сентенская стража несколько веков назад, – медленно проговорила леди Элизабет, будто рассуждая сама с собой. – Возможно, Мёртвый лес чем-то недоволен. А, может быть, *им* просто завидно.

– Таким образом, убийцу искать совершенно бесполезно, – подытожила всё вышесказанное Моника и с неприятным, резким звуком захлопнула свой дневник. Спустя пару мгновений она язвительно добавила: – Конечно, только если вы, наши дорогие гости, не собираетесь привлечь к королевскому суду людей, умерших несколько веков назад.

Местные решили многозначительно промолчать.

Алина была возмущена до глубины души: она решительно не понимала, как взрослые люди могут говорить о таких вещах с серьёзным выражением на лице. Девушке казалось, что надменные местные жители просто-напросто решили над ними изощрённо подшутить. Сирша также досадливо хмурилась и, в конце концов, попыталась найти произошедшему на острове рациональное объяснение.

– Вы говорите, что жертвы были растерзаны на части... А хищники, которые обитают в ваших лесах, не могли быть к этому причастны? – рассуждала актриса, вспоминая тот душераздирающий вой, который они слышали, когда подъезжали к городу. – Предположим, те же волки?

– Мистер Лайтер, – как-то странно улыбнулся Дитрейс, – неужели вы никак не поймёте, что мы пытаемся вам сказать? Если бы это были обыкновенные волки, то, я сильно сомневаюсь, что они выбрали бы именно этих людей. Подумайте сами: пастухи, землепашцы, слуги, которых каждую неделю посылают на материк, являются идеальными жертвами для голодных хищников, однако все они живут и здравствуют, в то время как других убивают в их собственных домах.

– Итак, что мы имеем: обозлённые предки разрывают на куски местных жителей, которые им чем-то не угодили, – пробубнила Алина монотонным голосом. Затем она посмотрела на остальных и тщетно постаралась убрать из голоса насмешку: – Но вы ведь не хотите сказать, что верите в это, простите за прямоту, чистой воды безумие?

Наверное, её вопрос восприняли как риторический, а, может быть, даже обиделись. Как бы то ни было, когда спустя некоторое время никто так и не ответил, девушка почему-то бросила быстрый взгляд на Эштона. Темноволосый барон посмотрел на неё таким спокойным и равнодушным взглядом, что Алине даже стало немного обидно.

– Если это произойдёт у тебя на глазах, ты поверишь и не в такие вещи, – вдруг проронила загадочную фразу Моника, неторопливо чертя тонким пальцем бессмысленные узоры на обложке своей тетради.

Алине показалось, что леди Элизабет бросила на печальную и будто чем-то подавленную падчерицу сочувственный взгляд.

– Простите мою бестактность, но что именно вы видели, леди Оливер? – решила уточнить Сирша.

– Не я, – отрывисто покачала темноволосой головой девушка и посмотрела на судью: – Это был господин Сентмель: ему пришлось стать невольным свидетелем смерти Авалайн Кларк.

Алина, не удержавшись, удивлённо приподняла бровь: эта горничная была третьей по списку жертвой в Туманном Утёсе.

– Бедняжка Ава! Она была моей... невестой, – подал голос почтённый судья. Когда Сирша, не удержавшись, бросила выразительный взгляд на обручальное кольцо, что поблёскивало на безымянном пальце его левой руки, мужчина досадливо поморщился и невозмутимо пояснил: – Моя несчастная больная жена давно уже прикована к постели. Врачи говорят, что ей осталось недолго.

– В таком случае сочувствую вашей утрате, – Алина решительно не хотела, чтобы её слова прозвучали так... цинично, но почему-то ничего не могла с собой поделать.

Как бы то ни было, мужчина сделал вид, что не слышал её слов.

– То было страшное зрелище, – решил поделиться своими воспоминаниями судья Сентмель. При этом его голос звучал крайне жалобно и надтреснуто, благодаря чему он постоянно получал сочувственные взгляды от вдовы Валлоу: – Я проходил мимо мельницы, как вдруг заметил неподалёку какую-то возню. Сначала подумал, что это бродячие собаки что-то не поделили. Когда подбежал ближе, чтобы рассмотреть, призраки в образе огром-

ных волков, как ни странно, вместо того, чтобы напасть на меня, просто исчезли, будто растворились в густом тумане. Всюду была кровь и ошметки мяса. Они... они разорвали Аву на мелкие кусочки, словно девушка была самодельной куклой. Той самой, что лежала неподалеку от её тела.

– Кукла? – удивлённо и отчего-то шёпотом переспросила Алина, непроизвольно наклоняясь вперед.

– Шарнирные куклы, – леди Элизабет неопределённо махнула в воздухе своей тонкой рукой. – Оберег, который должны постоянно носить с собой все жители острова с двенадцати лет. Эта старинная традиция якобы защищает нас от зла. Иронично, что когда *они* выбирают себе новую жертву, то сначала крадут куклу, а потом уже через некоторое время нападают на самого человека.

В эту ночь Алина почему-то в течение долгого времени не могла заснуть. Усталость после долгой дороги не шла ни в какое сравнение с тем, как сильно у неё болела голова. Прошёл уже не один час, а она всё продолжала неподвижно лежать на спине и изучать невидящим взглядом высокий потолок, отличавшийся искусной лепниной. На другом конце кровати слышалось размеренное дыхание Сирши – девушка тщетно пыталась последовать её примеру.

Впрочем, недавний разговор в гостиной не произвёл на неё особенно сильного впечатления. Напротив, Алина ни на секунду не усомнилась в том, что убийца (кем бы он ни был) – смертное существо из плоти и крови. И она твёрдо решила, что не вернётся на материк до тех пор, пока не найдёт виновного в гибели этих пятерых людей.

Разумеется, она прекрасно понимала, что страшные убийства, которые произошли на острове, нельзя было приписать одним лишь голодным волкам. Иначе, почему рядом с жертвой всегда находили куклу? Впрочем, вполне вероятно, что кто-то хотел таким образом запугать простоватых деревенских жителей. Как бы то ни было, в одном Алина была уверена наверняка: все члены Совета знали или, по крайней мере, догадывались о том, что именно здесь происходит, но по какой-то причине решили об этом умолчать.

Перевернувшись на правый бок, девушка поймала себя на мысли, что немного скучает по дому. Внезапно жизнь в столице, несмотря на её вечный шум, суету и столпотворение, показалась ей удивительно простой и рациональной. Лёжа в кровати, Алина с тоской вспоминала о восхитительном чае с приятной горчинкой и ароматом душистых южных трав. Этим напитком бабушка ежедневно поила её перед сном. Что если именно чай всегда помогал ей заснуть?

Впрочем, несмотря на все свои страхи и возникшие трудности, Алина несколько не жалела о том, что приехала в Туманный Утёс.

Глава 4. Тревожная ночь

Она не помнила, как оказалась на лесной поляне в теле маленькой светловолосой девочки. На ней красовалось воздушное детское платьице, тёмно-зелёное, точно моховая подстилка, с широкими рукавами и кокетливым воротничком, а на ногах – такого же цвета сафьяновые туфельки без каблучков. Изящная шляпка и белоснежные тонкие перчатки лежали неподалёку на траве.

Она изумлённо оглянулась по сторонам. Небольшое открытое пространство со всех сторон было окружено мощными, вековыми деревьями – дневной свет не мог пробиваться сквозь их сплошную завесу. Небо над головой было затянуто тяжёлыми облаками, а в воздухе стояла невыносимая летняя духота.

На поляне в изобилии росли невзрачные полевые цветы и травы. Девочка отдала предпочтение солнечным одуванчикам и старательно сплела из них венок. Закончив, она почувствовала глухое раздражение: её ладони пропитались едким соком цветов, в результате чего окрасились в неприглядный жёлтый цвет, а венок, как она ни старалась, получался кривым и перекошенным. Девочка с неудовольствием повертела в руках свою работу и, тяжело вздохнув, отложила цветы в сторону.

Кроме неё на поляне находилось ещё два человека: девочка-подросток и мальчик лет десяти. Они были сильно похожи между собой: можно было предположить, что эти дети приходятся друг другу братом и сестрой. Как ни старалась, она никак не могла вспомнить их имён. Оба отличались необыкновенной красотой: их волнистые тёмно-шоколадные волосы оттеняли безупречную мраморную кожу, а дорогая, сшитая по фигуре одежда подчеркивала стройную, изящную осанку. Сестра развлекала себя тем, что ловила в сачок тех немногих бабочек, что лениво порхали с цветка на цветок. Видимо, это занятие доставляло ей искреннее удовольствие, потому что всякий раз, когда ей удавалось поймать насекомое и поместить его в банку, на её обычно невозмутимом лице мелькала радостная улыбка.

– Тебе это нравится, – в голосе мальчика отчётливо слышалось осуждение.

Подросток высокомерно прищурила свои выразительные тёмные глаза, окаймлённые густой бахромой ресниц, и спокойно ответила:

– Да, ты совершенно прав: мне нравится коллекционировать бабочек. Неужели это преступление?!

Тем временем девочка вынула металлическую шпильку из волос и проткнула острым концом туловище одного из пойманных насекомых. В течение некоторого времени бабочка ещё отчаянно трепыхалась, но вскоре затихла.

– Сегодня бабочки, завтра – люди, – возразил брат таким же равнодушным тоном.

Она едва заметно усмехнулась, пряча за самоуверенностью обиду, и вдруг многозначительно посмотрела на светловолосую девочку. Последняя непроизвольно вздрогнула: признать, она слегка побаивалась эту взрослую, язвительную девушку.

– Помнится, пару лет назад она нашла на заднем дворе муравейник, и, наверное, полдня провела за тем, что убивала безобидных насекомых одного за другим, – говоря это, она не спускала с брата прищуренного взгляда. – Интересно, что ты на это скажешь? Или её милое бледное личико не позволяет тебе судить объективно?

Малышка едва ли поняла, что темноволосая девочка имеет в виду, однако это не помешало ей почувствовать себя крайне смущённой. Мальчик, в свою очередь, болезненно скривился и опрокинул банку. Все бабочки успели разлететься до того, как опешившая сестра успела накрыть её ладонью.

– Ах, ты!.. – прошипела она.

Потеряв всю свою добычу, девочка побледнела от злости. Впрочем, ей удалось достаточно быстро взять себя в руки.

– Мы должны рассказать сестре об этой *птичке*, – произнесла она нарочито безразличным тоном, надменно разглядывая светловолосую девочку. – Ты ведь знаешь, как сильно я не люблю её обманывать.

– Она всё расскажет матери. А ты знаешь, как сильно я не люблю её расстраивать.

Девочка досадливо хмыкнула и, подняв банку и сачок, направилась ловить бабочек в другой конец поляны. До оставшихся донеслось её тихое пение: «...в Утёсе, / Красавица живёт. / Судьба её немало / Всем горя принесёт. / Глаза её...»

Тем временем мальчик достал из сумки короткоствольный пистолет и принялся его чистить. Судя по его уверенным движениям, это занятие было для него вполне привычным.

Светловолосая присела неподалёку от него и, вертя в руках помятый венок, изредка поглядывала на своего молчаливого соседа. Казалось, что он совершенно не замечает её присутствия. Мальчик напоминал девочке её огромного плюшевого медведя: тот был таким же хорошеньким и серьёзным. Неожиданно ей стало интересно, разозлится ли он, если она подойдёт и взъерошит его тщательно уложенные волосы. Впрочем, девочка была слишком застенчивой и робкой, чтобы решиться на подобное.

– Тебе нравится Алина? – выпалила она вопрос, который уже давно вертелся у неё на языке.

– Нет, – невыразительно ответил он, не поднимая взгляда.

– Ты странный! Она нравится всем, – неловко усмехнулась девочка.

Впрочем, ответ мальчика пришелся ей по душе.

Он безразлично пожал плечами и зарядил пистолет одним уверенным движением. Потом мальчик прицелился в верхушку одного из деревьев и нажал на курок. Раздался оглушительный выстрел, в ответ на который неподалёку в лесу завывали волки.

Тут она проснулась и резко села на кровати. Было ли всё это воспоминанием или просто очередным сном, фантазией её уставшего мозга?

Признаться, ей и раньше снились подобные сны. Но все они были такими нечёткими, запутанными и бессмысленными, что девушка, казалось, забывала их ещё до того, как успевала проснуться. Если бы её спросили, что она помнит о своём детстве, то она не сразу нашлась бы с ответом. Впрочем, нельзя сказать, чтобы она не помнила решительно ничего. Но в её голове сон и явь так сильно перемешались, что девушке иногда казалось, что она совершенно не может отличить одно от другого. Поэтому, чтобы избежать лишней головной боли, она старалась не думать о прошлом и, как ей казалось, справлялась с этим весьма неплохо.

На старинном бархатном диване в одной из комнат графского особняка расположились две дамы. По-видимому, они все ещё не собирались отправляться в постель. У одной, молодой темноволосой женщины лет двадцати семи, были сильно покрасневшие глаза, которые свидетельствовали о том, что несколько минут назад она была крайне расстроена. Другая, светловолосая дама средних лет, ласково гладила свою подругу по голове, видимо, стараясь её утешить.

– Я не хотела этого! Всё вышло из-под контроля, – воскликнула девушка дрожащим голосом. – Я только хотела его напугать. Скажи, что веришь мне. Умоляю!

– Моя дорогая Мона, прошу тебя, успокойся! Разумеется, я тебе верю, – заверила её вдова Валлоу и, сделав паузу, продолжила вкрадчивым голосом: – Ты поступила правильно. Довольно слёз! Ты знаешь, я всегда понимала тебя, как никто другой. Конечно, я сильно

виновата перед твоей матерью и наши семьи никогда не жили в мире, но я искренне надеюсь, что все вместе мы сможем забыть прежние разногласия.

– Давно уже забыли, – пробормотала её собеседница, как нечто само собой разумеющееся.

Спустя пару минут Моника Оливер тяжело вздохнула и, будучи уже не в силах сидеть на одном месте, встала с дивана и подошла к окну.

– Скажи мне, Элиза, правда, что мой отец был таким же чудовищем, как и Олеандр? – произнесла она так тихо, что леди Элизабет её едва расслышала. – Небо, неужели я проклята?!

– Властолюбивым мужчинам всегда нравилось причинять боль красивым женщинам, – туманно ответила на её первый вопрос светловолосая дама. – А ты, моя дорогая, вовсе не проклята: ты просто несчастна. Но это поправимо: все мы по-своему несчастны. Я уверена, что даже твоя жизнерадостная сестра иногда находить повод погрустить.

Моника слабо улыбнулась, продолжая смотреть в окно. Сильные порывы ветра раскачивали деревья, которые росли неподалёку от особняка, точно марионетки. Леди Оливер больше не было больно, она чувствовала лишь пустоту, чёрную дыру на месте сердца.

– Я не пойму одного, – внезапно сказала девушка. – Кому понадобилось вызывать служебников? Мы бы и сами справились. Всегда справлялись.

– Возможно, это и к лучшему, – философски заметила леди Элизабет после непродолжительной паузы.

– Что ты имеешь в виду? – прищурила свои бархатные глаза девушка, резко оглянувшись на подругу.

– Я и сама точно не знаю, – уклончиво ответила обворожительная вдова. – Но миссис Лайтер показалась мне знакомой. Когда я смотрела в её большие светло-зелёные глаза, то готова была поклясться, что однажды мы с ней уже встречались.

– Да? – Моника удивлённо приподняла изящную бровь. – Лично я не заметила в ней ничего особенного или, как ты говоришь, знакомого. Обыкновенная серая пташка, наверняка с такой же историей, как и у всех других серых пташек.

Неожиданно девушка заметила, что по улице двигается одинокая женская фигура. Она зябко куталась в тонкое старое пальто на холодном ветру и постоянно приостанавливалась, чтобы затравленно оглядеться по сторонам. Казалось, что эта женщина направляется в сторону кладбища. Моника мимолётно удивилась, что кому-то могло понадобиться выйти из дому в такую ненастную погоду. Впрочем, думала она об этом недолго.

– Что же мы будем делать? – задала леди Оливер вопрос, который волновал её больше всего.

– В целом, эти служебники совершенно безобидные создания, – рассудительно заметила Элизабет. – Не думаю, что они могут чем-то нам навредить до тех пор, пока остаются в Утёсе. Главное – не отпускать Лайтеров на материк и следить за каждый их шагом. С другой стороны, они, возможно, окажутся даже полезными.

Моника бросила на вдову весьма удивлённый взгляд.

– Если власти прислали на остров действительно опытных служебников, то, надеюсь, они в скором времени помогут нам найти убийцу, – пояснила светловолосая дама. Леди Оливер болезненно поморщилась, но подруга поспешила её успокоить: – Не волнуйся, дорогая, о тебе никто не узнает! Попроси, пожалуйста, Констанцию подружиться с Алиной Лайтер: у твоей сестры всегда хорошо получалось сближаться с нужными людьми.

В окне одного из многочисленных деревянных домов, что были разбросаны по Туманному Утёсу, словно пешки по шахматной доске, горел тусклый, мерцающий свет. За низким столиком, согнувшись, точно немощная старуха, на плечи которой была возложена вся

тяжесть мира, сидела молодая темноволосая девушка со смугловатой, слегка обветренной кожей, совершенно не характерной для северянки. Она быстро водила пером по бумаге, будто боялась не успеть записать нечто очень важное.

Джанет Блейн знала, что скоро они придут за ней: так происходило с каждым, у кого пропадала кукла. Она не говорила никому, даже своей сестре, о том, что стала следующей обречённой. Наверное, в глубине души темноволосая служанка наивно надеялась, что так ей будет легче принять неизбежное.

Впрочем, Джанет не противилась смерти: она, как никто другой, знала, что все попытки спастись будут бесполезны. Она не успела бы покинуть остров, потому что её наверняка бы убили на пути к железному мосту: именно так и погибли её муж Питер и дворецкий графа Валлоу. С другой стороны, девушка хотела умереть. Она так сильно устала и запуталась, что видела в смерти прекращение пытки, в которую превратилась её жизнь за последние несколько месяцев.

Джанет Блейн происходила из семьи, которая веками следила за местными жителями и передавала сведения о них королю. Много лет назад основатели заставили их забыть обо всём, что они когда-либо знали, но в начале прошлой весны один человек помог девушке вернуть себе память, благодаря чему она обнаружила то, о чём раньше и не догадывалась.

Однако Джанет допустила огромную, непоправимую ошибку, когда решила рассказать одной знатной особе об ужасающих преступлениях другой особы двадцатилетней давности. Через месяц после этого она похоронила Питера: его убили вместе с дворецким. Наверное, они думали, что он знает много такого, о чём основатели привыкли говорить лишь шёпотом.

Его смерть привела Джанет в полное отчаяние. Она даже не могла оправдать себя тем, что получила за ту информацию средства, которые могли бы прокормить её семью в течение многих лет. Она больше ничего не хотела ни знать, ни искать. С другой стороны, мысль о мести, о наказании убийцы не выходила у неё из головы. Девушка решила запросить служебников из столицы – рискованный способ добиться справедливости, который на данном этапе привёл лишь к тому, что ей самой подписали смертный приговор.

Как бы то ни было, основатели, шпионы, рабы, отравленный колодец, загадочные убийства – всё это было не важно по сравнению с тем, как сильно она боялась за свою золовку, которая была для неё ближе родной сестры. Впрочем, она знала, что сама виновата в том, что её жизнь, равно как и жизнь дорогих ей людей, уверенными шагами приближается к пропасти: девушка подошла к разгадке слишком близко, а они, разумеется, не могли допустить того, чтобы кто-нибудь узнал их тайну.

Она считала их бессердечными существами и была твёрдо убеждена в том, что эти люди заслуживают самого сурового наказания. Она хотела, чтобы их позорно казнили на городской площади в столице, хотела, чтобы их тонкие аристократические шеи остались без прекрасных голов. Но больше всего на свете она хотела невозможного: стать свидетельницей их бесславного падения.

**Безропотно склоняетесь пред нами:
Вы призраки и тени без лица.
Мы куклами вас сделали, рабами —
Останетесь такими навсегда.**

Существуют ли на свете слова, которые внушали бы больший ужас и безнадёжность, чем эти строки?

Спустя четверть часа Джанет запечатала два письма. Одно из них было адресовано Алине Лайтер, другое – некой Патриции Блейн. Она спрятала их под подушкой в комнате

своей сестры. Девушка не сомневалась в том, что малышка обязательно найдёт письма, когда вернётся домой: родственницы всегда оставляли друг другу послания таким образом.

С чувством выполненного долга Джанет накинула на плечи старое пальто, которое прохудилось ещё много лет тому назад и едва ли могло защитить от ночной прохлады, и вышла на улицу. Как ни странно, в разряжённом осеннем воздухе не чувствовалось ничего потустороннего или опасного. Поёжившись от резких порывов ветра, она запрокинула голову и посмотрела на далёкое чернильное небо. Внезапно девушке так сильно захотелось увидеть звёзды. Неужели человек перед смертью не имеет права на последнее желание?!

Она тяжёло вздохнула и, более не колеблясь, направилась по главной дороге на запад, в сторону кладбища. Если ей суждено было сегодня умереть, то Джанет хотела сделать свой последний вздох рядом с теми, кого она любила.

На миг девушке стало интересно, сколько людей будет плакать на её похоронах. Станет ли леди Элизабет Валлоу наигранно промокать уголки глаз шёлковым платочком, на котором, конечно же, будут вышиты золотой ниткой её инициалы? Догадается ли кто-нибудь о том, что происходит в Утёсе на самом деле или же снова всё спишут на обитателей Мёртвого леса?

Но потом Джанет мысленно отругала себя за глупые, отчасти эгоистичные мысли. Она знала, что её любимая младшая сестрёнка будет злиться, возможно, даже ненавидеть её за то, что они так и не попрощались. С другой стороны, Джанет всё равно не смогла бы поступить иначе и тем самым подвергнуть опасности единственного дорогого человека, который оставался в живых.

Когда до городской арки оставалось не более сотни шагов, всё резко переменялось. Окружающая природа да и сам город будто погрузились в волшебный сон, замерли в ожидании чего-то страшного и неизбежного. Смолкли голоса птиц, а лай местных собак превратился в жалобное поскуливание. Джанет показалось, что даже оставшиеся на деревьях пожухлые листья, казавшиеся в темноте тонкими чёрными силуэтами, боятся шелохнуться, а надгробия на кладбище отсвечивают зловещим потусторонним светом.

Волки ступали неслышно, скрывались в тени деревьев, но девушка кожей ощущала их присутствие. Джанет стало очень страшно. Она почувствовала, как липкий ужас медленно сжимает стальные пальцы на её горле, затрудняя и без того внезапно сбившееся дыхание.

Девушка достала из потайного кармана пистолет и трясущимися руками прицелилась в сторону деревьев. Желание развернуться и убежать в город стало практически непреодолимым, но темноволосая служанка заставила себя неподвижно стоять на месте: известно, что дикие звери всегда нападают именно в тот момент, когда жертва пытается спастись бегством.

Неожиданно откуда-то сбоку послышалось низкое рычание. Джанет медленно повернулась в нужную сторону и тут же встретила глазами с огромным белоснежным волком. Девушка была отнюдь не первым человеком, кому это опасное животное показалось по-неземному прекрасным. У него был кристально чистый пушистый мех, из которого так и хотелось сделать себе новую шубу, и по-человечески осмысленные холодно-голубые глаза. В оскаленной пасти вожака (а девушка несколько ни сомневалась, что это был именно он) безвольно болталась немного потрёпанная самодельная кукла с тёмными волосами. Последняя была точной копией самой Джанет, что в данной ситуации не могло не внушать ужаса.

Из-за деревьев начали появляться и другие волки. Рыжевато-серые, бурые, серовато-жёлтые, даже чёрные – все они явно уступали своему вожаку по размерам и силе, но от этого, конечно, не становились менее опасными.

Темноволосая служанка осторожно попятилась и, вскинув руку, с силой нажала на курок. Последовала осечка. Девушка из-за отдачи неуклюже упала на землю. Спустя удар сердца один из хищников вцепился Джанет в правую руку, в ту самую, в которой она держала

пистолет. Первые несколько минут она пыталась сопротивляться и даже всадила огромный нож, который смогла достать из кармана, в светло-серый мягкий живот, но вскоре поняла, что ей было бессмысленно тягаться с той страшной силой, что представляли собой эти звери. Поэтому она крепко зажмурилась и проглотила быстродействующий яд, который всё это время предусмотрительно держала за щекой. Впрочем, перед смертью, Джанет почему-то пришла в голову мысль, что звери вовсе не хотели её убивать.

Белый волк испустил громкое рычание – и его стая послушно попятилась в сторону. Вожак медленно подошёл к мёртвой девушке, принялся и вдруг одним точным движением перекусил ей горло.

Впрочем, не стоит забывать и о том, что Джанет Блейн вовсе не была невинной жертвой. Никто на острове не был. Все местные жители имели одинаковую историю и одинаковых предков, немногим кто лучше, кто хуже. В их жилах текла одинаковая преступная кровь, которая пусть время от времени, но неизменно давала о себе знать. Хотя, разница всё же была: одни были способны на убийство, но не совершали его, другие, по мнению одной высокородной особы, самые никчёмные и сломленные, находили в смерти своих врагов радость и утешение.

Глава 5. Городское кладбище

Алину разбудила череда оглушающих выстрелов, которые по своей громкости больше напоминали пушечные залпы. Шторы в гостевой спальне были развешены, и потому, открыв глаза, она смогла наблюдать безрадостную картину. За окном шёл проливной дождь, а кроны деревьев порывисто раскачивались из стороны в сторону. Изредка комнату озаряла яркая вспышка молнии, и где-то вдалеке слышались раскаты грома.

Девушка перекатилась на спину и со стоном потянулась. Выбираться из тёплой постели ей совершенно не хотелось.

Вдруг послышался скрип открываемой двери и в спальню вошла Сирша. Она была облачена в элегантный тёмно-коричневый фрак, вышитый белый жилет и тёмные бриджи. Её напомаженные и чуть завитые волосы были идеально уложены.

– Доброе утро, дорогая! – воскликнула она бодрым голосом, прикрывая за собой дверь.

Алина привсталала с постели и с улыбкой ответила на приветствие. Но как только она пригляделась к лицу актрисы, то сразу же поняла, что случилось нечто ужасное. Напускная невозмутимость Сирши несколько не скрывала её затравленного взгляда.

– Этой ночью нашли ещё один растерзанный труп, – в голосе молодой женщины отчётливо проскальзывали нотки едва сдерживаемого страха. – Я слышала, что это была та самая девушка, которая провожала нас вчера в комнату.

Алина невольно ахнула и удивлённо приподняла тёмно-серые брови. Новость была поистине ужасающей. Вдруг она вспомнила о разбудивших её выстрелах: видимо, именно так местные жители оповещали друг друга о новых убийствах.

– Но это ещё не всё, – вздохнула Сирша. – Пока мы спали, кто-то подложил под дверь письмо.

Алина бросила на неё вопросительный взгляд.

– Этот человек утверждает, будто ему известно, кто я такая, – актриса непроизвольно понизила голос. – Он требует, чтобы сразу после прочтения я явилась в назначенное место, иначе моя тайна станет известна всему местному обществу.

– Что же нам делать?! – в отчаянии воскликнула мисс Лайтер, закрывая лицо руками.

– Мне придётся следовать указаниям, которые даются в этом возмутительном письме, если мы только не хотим, чтобы нас с позором прогнали на материк, – Сирша старалась говорить спокойным и рассудительным тоном. – Я возьму свой экипаж и лакея, а ты немедленно одевайся и спускайся вниз. Члены Совета должны будут в скором времени отправиться на кладбище: именно там нашли убитую. Думаю, ты сможешь уехать вместе с ними. Если я не успею прибыть на место преступления, а скорее всего, так оно и будет, тебе, боюсь, придётся проводить осмотр тела без меня. Так что пожелай нам обоим удачи!

Светловолосая девушка не находила слов, чтобы выразить своё удивление. Она не могла поверить в то, что всё это происходит на самом деле. Убийство служанки, которая ещё совсем недавно была жива и здорова, казалось ей совершенно невозможным событием. Алина вспомнила, как девушка предупреждала их не доверять никому из местных жителей. Вполне возможно, она знала нечто такое, что могло кому-то сильно навредить, и потому от неё решили избавиться. Но в таком случае почему девушка ничего не рассказала о своих опасениях служебникам? Почему ограничилась лишь одним туманным предостережением?

Кроме того, Алину мучила досада, что кому-то удалось так быстро раскрыть их секрет. Она почти не сомневалась в том, что их расследование теперь рано или поздно провалится: судя по всему, тон письма не предвещал ничего хорошего. Конечно, Сирша старалась сохранить присутствие духа, но Алина догадывалась, как ей должно быть нелегко. Девушка чув-

ствовала себя виноватой: именно она убедила актрису нарушить ряд королевских законов и притвориться служебником.

Собрав небольшую сумку, Сирша немногословно попрощалась с Алиной и удалилась. Девушка тяжело вздохнула и, с трудом заставив себя подняться с постели, поплелась к старинному дубовому шкафу. Открыв его дверцы, она была приятно удивлена, обнаружив там всю одежду, которую они привезли с собой из столицы.

На улице сегодня и правда стояла отвратительная погода. Алина, не встретив в особняке никого из своих вчерашних знакомых, отправила одного из слуг в конюшню, чтобы тот приготовил ей экипаж. Навес над парадным входом, у которого она стояла, защищал её от проливного дождя, но холодные порывы ветра постоянно наполняли её лёгкие нестерпимо сырым воздухом и швыряли в лицо колючие капли. Несмотря на выпитую чашку горячего чая, которую принесла к ней в комнату угрюмая толстощёкая служанка, и тёплое кашемировое пальто поверх платья, она чувствовала, как у неё начинают стучать зубы.

Однако она не могла отрицать, что не хотела заходить в дом, потому что ей нравилось любоваться окружающим пейзажем. Было в этой неприглядной, до серости скучной картине нечто такое, что заставляло её испытывать весьма странное чувство, похожее на ностальгию.

Впрочем, Алина сама не знала, за что так сильно любила осень. По правде сказать, она никогда не жаловалась ни холод, ни сырость, ни даже дождь – верных спутников этого времени года. Всё это наводило на неё лишь грусть, уныние и нечеловеческую тоску, заставляло её чувствовать себя больной и даже немного старой.

Но почему же тогда она из года в год, словно одержимая, отсчитывала последние летние дни, молясь, чтобы поскорее наступил долгожданный сентябрь? Почему ждала промозглую, дождливую осень с таким нетерпением, едва ли не с предвкушением? Впрочем, наверное, это объяснялось тем, что меланхолия была неотъемлемой частью её натуры.

– Доброго вам дня, миссис Лайтер, – хриплый мужской голос, который, казалось, раздался из ниоткуда, заставил девушку вздрогнуть. – Скверная сегодня погодка, не правда ли?

Алина повернулась на звук и с удивлением посмотрела на говорившего. Напротив парадного входа остановилась крытая карета, в которой, высунув лысеющую голову из окна, расположился почтённый судья. Он как-то странно, возможно, слишком пристально, рассматривал сентенку и почему-то улыбался ей во весь рот. Впрочем, жёлтые, чуть кривоватые зубы несколько не красили его обвисшее, неприятное лицо.



Судья Стефан Сентмель

Девушка рассеянно пробормотала приветствие и непроизвольно отступила назад: неожиданно ей сделалось не по себе.

– Простите моё любопытство, – начал судья вкрадчивым голосом, – но вы ведь собирались посетить кладбище, не так ли?

Алина утвердительно кивнула, не видя причин скрывать очевидное.

– Прошу вас, садитесь в карету: я подвезу, куда нужно, – вдруг щедро предложил мужчина, облизывая свои сухие, потрескавшиеся губы. – Не нужно стоять под дождём, моя милая: не хватало вам ещё простудиться. Кто же тогда восстановит справедливость в этой глуши?!

На его последнюю фразу Алина незаметно поморщилась: ей показалось, что судья над ней глумится. Впрочем, она не стала отказываться от его предложения, прежде всего потому, что ей хотелось попасть на место преступления как можно скорее. Слуга, посланный в конюшню, явно не торопился исполнять её поручение: она прождала экипаж уже около получаса. К тому же, она прекрасно понимала, что отклонить приглашение судьи, каким бы любезным оно ни выглядело, было бы, пожалуй, крайне неразумно: судя по тону и выражению лица её собеседника, в таком случае она нажила бы себе злейшего врага.

– А, позвольте спросить, куда девался ваш уважаемый супруг, дорогая Алина? – несколько фамильярно поинтересовался у неё Сентмель, в то время как она открывала зонтик, чтобы дойти до кареты.

– Он... – девушка тщетно пыталась придумать оправдание отсутствию Сирши, но ей ничего не приходило в голову.

К счастью, она была неожиданно избавлена от дальнейших объяснений.

– Не утруждайтесь, господин Сентмель: это, пожалуй, весьма опасно в вашем почтённом возрасте. Думаю, я сам мог бы подвезти нашу столичную гостью, – неожиданно прозвучал знакомый равнодушный голос. – К тому же, вам совершенно незачем ехать со всеми на кладбище: можете отправляться домой. И передайте, пожалуйста, моё глубокое почтение вашей уважаемой супруге.

Оглянувшись, Алина увидела, как Эштон Блад вышел из особняка. В первые несколько секунд она испытала странное чувство облегчения, но потом ей пришла в голову смехотворная мысль, что скоро к парадному входу, наверное, соберётся весь город.

Стефан Сентмель по неизвестной причине бросил на городского представителя весьма недовольный взгляд и даже, казалось, скрипнул зубами от злости. Алина мимолётно подумала, что, наверное, именно так смотрят избалованные дети, когда что-то происходит не так, как им того бы хотелось.

– Да и вам не стоило бы утруждать себя, дорогой барон, – примирительно махнул морщинистой рукой судья и сухо, едва ли не зло, улыбнулся молодому человеку: – Впрочем, я уверен, милой леди будет намного удобней ехать в тёплой карете, чем стоять на холодном ветру до тех пор, пока слуги приготовят экипаж.

– Милая леди, – с нажимом ответил ему Блад, – сама решит, что ей будет лучше. Не правда ли, миссис Лайтер?

Последние слова были обращены к растерянной девушке. Внезапно ей, как никогда раньше, захотелось отправиться на место преступления вместе с судьёй. Эштон Блад выглядел до того заносчивым и отстранённым, когда навязывал ей свою помощь, что у неё, признаться, не было ни малейшего желания соглашаться с ним в чём бы то ни было. Она бросила на барона крайне раздражённый взгляд – он ответил ей тем же.

Впрочем, на секунду ей показалось, что его лицо также выражает беззвучное предостережение. Алина помедлила с ответом: внезапно ей совершенно расхотелось проявлять своеволие. К тому же, перспектива ехать в одной карете с судьёй, который вёл себя крайне странно, признаться, совершенно её не привлекала.

– Я искренне благодарна за вашу помощь, господин Сентмель. Однако я обещала дожидаться мистера Лайтера, так что, боюсь, мне в любом случае пришлось бы немного задержаться, – неуклюже, но с максимальной вежливостью объяснила ему свой отказ Алина. – Надеюсь, вы не в обиде.

Сначала лицо мужчины исказилось в досаде и едва сдерживаемой злости, но спустя мгновение он расплылся в благожелательной улыбке. Метаморфоза произошла так быстро, что Алина даже не была уверена в том, что всё это не было плодом её воображения. В самом деле, зачем почтённому судье было настаивать на том, чтобы она поехала именно в его карете?

– Разумеется, нет, моя милая, – тепло и несколько слащаво улыбнулся ей господин Сентмель. – Желаю вам удачи... в расследовании.

Коротко попрощавшись с молодыми людьми, судья приказал кучеру немедленно отвезти его домой.

Ливень к тому времени успел превратиться в надоедливую морось, но температура воздуха, казалось, наоборот, упала ещё на несколько градусов. Алина зябко поёжилась, мысленно проклиная весь сегодняшний день, который не задался с самого утра.

Эштон Блад продолжал стоять с каменным лицом, облокотившись на перила парадной лестницы, и, судя по всему, не собирался вступать в беседу. Девушка искоса поглядывала на своего молчаливого соседа и не знала, что делать дальше. Ей очень хотелось расспросить его о том, чему недавно она стала свидетельницей, но прошло немало томительных минут, прежде чем Алина набралась достаточной храбрости, чтобы обратиться к нему со следующими словами:

– Я искренне ценю вашу... помощь, но надеюсь, вы простите моё любопытство и ответите на один волнующий меня вопрос. Что собственно сейчас произошло?

Барон посмотрел на неё с лёгким удивлением, будто совершенно забыл об её присутствии.

– Вы действительно хотите знать? – решил уточнить Эштон. После небольшой паузы он добавил: – Смотрите, кажется, нам наконец-то подали карету.

Алина проследила за его взглядом: из конюшни действительно выехал экипаж, запряжённый четвёркой лошадей, и двигался теперь по направлению к парадному входу.

– Лорд Эштон, вы знаете, меня вполне можно считать служебником, – тут светловолосая девушка почему-то закатила глаза. – А это значит, что я не гнушаюсь любой правды, даже самой нелицеприятной.

Алина мимолётно подумала, что, похоже, в скором времени заговорит в точности как её дядя, уважаемый столичный служебник с тридцатилетним опытом работы.

– В таком случае извольте, – неожиданно тепло улыбнулся ей молодой человек.

Приглядевшись, она обратила внимание, что его волосы имеют шоколадно-чёрный оттенок, а глаза не совсем карие, как показалось ей вчера в тускло освещённом помещении, а, скорее, тёмно-вишнёвые.

Впрочем, спустя несколько секунд Эштон снова помрачнел, и Алина подумала, что привлекательная внешность барона несколько не извиняет его невыносимого характера.

– Наш почтённый служитель закона известен своим пристрастием к молодым хорошеньким девушкам, – кратко объяснил он причину странного поведения судьи и, не дожидаясь её ответа, направился к подъехавшей карете.

Во взгляде Алины тут же появилось отвращение. Неужели Сентмель действительно пытался с ней заигрывать? Флиртовать с едва знакомой замужней дамой, имея при этом большую супругу и недавно погибшую «невесту»? В этом случае ей оставалось только удивиться собственной наивности: как сама-то она не догадалась о скрытых мотивах судьи?

Эштон открыл дверцу и протянул ей руку, чтобы помочь подняться в экипаж. Алина, поглощённая в безрадостные мысли, на мгновение заколебалась, но потом быстро спустилась по ступенькам парадной лестницы и приняла его помощь.

Карета оказалась достаточно просторной, обшитой изнутри тёмно-красным бархатом, с мягкими удобными сидениями. Девушка, поражённая открывшимся её взору великолепием, не сразу заметила, что барон продолжает держать её за руку.

– Этот шрам. Откуда он у вас... миссис Лайтер? – спросил Эштон странным голосом.

Едва заметно нахмутив тёмные брови, он внимательно разглядывал её левую ладонь. Смутившись непонятно чего, Алина резким движением выдернула руку из его хватки. Впрочем, спустя пару секунд, желая смягчить собственную грубость, она постаралась изобразить на лице подобие извиняющейся улыбки, но, будучи не в силах выдержать его сверлящего взгляда, тут же неловко потупилась.

Шрам, о котором спрашивал Эштон, представлял собой аккуратно вырезанную на левой ладони букву V. Признаться, Алина никогда раньше не придавала ему большого значения: след занимал её не больше, чем обычная родинка. Сейчас, однако (наверное, впервые в жизни) она попыталась припомнить обстоятельства, при которых у неё появился этот причудливый шрам, но у девушки внезапно начала болезненно раскалываться голова.

– Не знаю. Вполне возможно, что я родилась с этим шрамом, – неуклюже пошутила Алина, рассеянно пожимая плечами.

– У вас есть с собой перчатки? – вдруг задал весьма странный вопрос молодой человек.

Девушка машинально проверила карманы своего плаща и спустя некоторое время вытащила пару кожаных перчаток.

– Миссис Лайтер, послушайте меня внимательно, – обратился к ней Эштон взволнованным голосом.

Последнее заставило её немало удивиться: казалось, впервые за время их знакомства в его голос проникли хоть какие-то эмоции.

– Никогда – понимаете, никогда! – не ходите по острову без этих перчаток. Не снимайте их до тех пор, пока не будете очень, очень далеко от Утёса. Если кто-нибудь случайно увидит ваш шрам... В общем, как вы уже знаете, местные жители очень суеверны, и неизвестно, что может прийти им в голову, – добавил он более спокойным тоном.

Алина медленно моргнула. Признаться, она ничего не понимала. В самом деле, что такого уж странного было в этом шраме? Она, конечно, не могла отрицать, что он выглядел довольно необычно, но сомневалась, что кого-нибудь, кроме неё самой, это касается. В то же время городской представитель говорил о сокрытии шрама так, будто от этого зависела его собственная жизнь.

Алине ничего не оставалось делать, как в который раз подивиться странности местных жителей.

– Что с вами, лорд Блад? – холодно спросила девушка, прищутив бледно-зелёные глаза.

На задворках разума промелькнула отвлечённая мысль, что сейчас она должно быть сильно напоминает чопорную старую деву, которой для полноты картины не хватает лишь белого чепчика.

Как бы то ни было, Эштон Блад, казалось, не обратил никакого внимания ни на её сухой тон, ни на скептический взгляд. Поколебавшись пару мгновений, он подошёл вплотную к карете и, наклонившись, заговорил мягким, завораживающим голосом.

– Пообещайте мне... Нет, не так. Поклянитесь, что сделаете всё от себя зависящее, чтобы никто больше не узнал об этом, – тут он, как бы невзначай, потянулся к руке светловолосой девушки и, обхватив длинными пальцами её запястье, ещё раз сосредоточенно посмотрел на шрам.

– Я... – Алина, не удержавшись, истерично усмехнулась. Однако спустя некоторое время она проговорила с несвойственной для неё серьёзностью: – Я клянусь.

Барон вдруг улыбнулся ей искренней улыбкой: казалось, что он смеялся над самим собой. Алина, неуклюже надевая кожаные перчатки, бросила на него хмурый взгляд и отвернулась к окну. Признаться, она не знала, что и думать. Её подсознание подсказывало, что во всём этом было что-то неправильное, неверное, но что именно она не могла сказать наверняка.

Внезапно парадная дверь распахнулась и из особняка вышла молодая темноволосая девушка.

Констанция Блад приходилась городскому представителю младшей сестрой. Как только барон представил девушек друг другу, она попросила брата подвезти её до кладбища: неподалёку от въезда в город жила её близкая подруга, которую она обещала навестить сегоднешним утром. Её просьба была принята без каких-либо возражений, и молодые люди, втроём расположившись в уютной карете, наконец-то покинули пределы особняка.



Констанция Блад

Мисс Блад показалась Алине на удивление приятной девушкой. В её манере вести разговор не было той надменности и сухости, что так отличала её родственников. Её тёплые карие глаза светились если не добротой, то, по крайней мере, искренней весёлостью. Единственное, в чём можно было её упрекнуть, так это в том, что по пути на кладбище она проявляла излишнюю болтливость и эмоциональность.

У неё были густые тёмно-каштановые волосы, которые мягкие волнами спадали на светлую меховую накидку. Её подвижное маленькое лицо обладало такими утончёнными чертами и ровной матовой кожей, что, казалось, принадлежало дорогой фарфоровой кукле, а не живой девушке. Кроме того, она была одета со вкусом и по последней столичной моде: на ней было кремовое муслиновое платье, расшитое крохотными розовыми бутонами и перевязанное на талии чёрной шёлковой лентой, и тонкие белые перчатки, доходившие до середины предплечья. Маленькую шляпку с красным бантом она кокетливо надвинула на лоб. Девушка постоянно поправляла свою одежду: казалось, этим она хотела привлечь внимание на свой наряд. Возможно, тщеславие всё же не было ей настолько чуждо, как могло показаться с первого взгляда.

Констанция вела себя с Алиной весьма дружелюбно, говорила много, но, признаться, совершенно бессмысленно. Она жаловалась на скверный дождливый климат, который, однако, по её словам, был ещё не самым худшим на острове; вспоминала сплетни о своих многочисленных знакомых, в именах которых Алина запуталась в первые же несколько минут их беседы. Впрочем, пару раз она, казалось, хотела заговорить о чём-то серьёзном, но что-то её останавливало.

Эштон, напротив, всё время молчал и смотрел в окно, лишь изредка бросая на собеседниц равнодушные взгляды. Один раз сестра шёпотом упрекнула его в холодности, на что он так же тихо съязвил, видела ли она его когда-нибудь другим.

– Четыре года назад, после помолвки с Джесси, ты казался мне вполне счастливым. Жаль, что в то время наш остров захватила чума, и теперь больше половины жителей лишь смутно помнят своё прошлое, – громко сказала Констанция и неожиданно обратилась к Алине: – Кстати, милая моя подруга, вы знакомы с Джессаминой Виламар?

Алина, крайне удивлённая её словами, отрицательно покачала головой.

– В таком случае я просто обязана представить вас друг другу! – эмоционально воскликнула темноволосая девушка. – Джесси – настоящий ангел, прекрасный и добрый. Я не знаю ни одного человека, которого бы она не любила и который не любил бы её. Уверена, вы быстро найдёте общий язык.

Алина неуверенно улыбнулась. Многое из того, что говорила Констанция, прозвучало бы едва ли не двусмысленно в других устах, но доброжелательно-наивный тон девушки не позволял заподозрить её в том, что у неё была какая-то задняя мысль.

Когда из окон кареты стала видна городская арка, мисс Блад приказала кучеру высаживать её, не доезжая до кладбища. Экипаж тут же остановился. Неожиданно Алина обратила внимание на небольшую группу людей, которые стояли в некотором отдалении от главной дороги и что-то бурно обсуждали на повышенных тонах. Их было около десяти человек. Девушка с удивлением узнала в невысокой худощавой фигуре Сиршу: она размахивала руками и, казалось, пыталась что-то доказать остальным.

Подобрав юбки, чтобы выйти из кареты, Констанция настойчиво пригласила Алину пройти вместе с ней. Светловолосая девушка хотела сперва отказаться, мотивируя это тем, что ей нужно как можно скорее попасть на место преступления. На её возражения Констанция ответила тихим весёлым смехом, который, впрочем, совершенно не вязался с её лицом: оно неожиданно приобрело пугающе серьёзное выражение, сделав миловидную, жизнерадостную девушку донельзя похожей на старшего брата.

– Дамское ли это дело! – с выразительной улыбкой покачала она головой. – Не будьте такой занудой, дорогая Алина. Труп, простите за грубость, никуда не убежит. К тому же ваш муж, я думаю, и сам прекрасно справиться со своей работой.

Алина внутренне поморщилась её бесцеремонной настойчивости. Впрочем, чтобы избежать дальнейших уговоров, девушка неохотно согласилась составить ей компанию.

Когда Констанция вышла из кареты и отошла на некоторое расстояние, чтобы расправить своё красивое пышное платье, Алина, сама не зная почему, решила задержаться. На протяжении всей поездки её не покидало смутное ощущение, что есть нечто такое, что она всё время упускает, как будто невидимые препятствия загораживают ей обзор.

– Лорд Эштон, простите моё любопытство, но о чём вы подумали, когда увидели мой шрам? – взвешивая каждое слово, медленно проговорила она.

Барон, привлечённый неожиданным вопросом, обернулся и посмотрел на неё так пристально, будто хотел прочесть её мысли. Алине стало неудобно, и она пожалела, что решила вернуться к этой теме. Выдержав напряжённую паузу, он нарочито мягко ответил:

– Не знаю. Возможно, только то, что у вас были необычные... родители.

Девушка вымученно усмехнулась и выбралась из кареты. Эштон слегка наклонил голову в её сторону, после чего приказал кучеру трогать. Алина пару секунд рассеянно теребила перчатку и задумчиво смотрела вслед экипажу. Почему-то она была твёрдо уверена в том, что ещё никогда в жизни ей не говорили настолько откровенную ложь.

Неожиданно она заметила в густых зарослях кустарника, которые росли неподалёку от дороги, какое-то движение. Девушка прищурилась. На мгновение она была готова поклясться, что на неё смотрели огромные жёлтые глаза, но через секунду там уже ничего не было, кроме старой пожухлой листвы, тонких веток и мелких ярко-красных ягод, которые чем-то напоминали рябину.

– Вы в порядке? – взволнованно спросила её Констанция, неслышно подошедшая сзади. – Небо, у вас такое лицо, будто вы только что увидели... приведение!

Алина истерично усмехнулась: по правде сказать, она сама не была уверена в том, что у неё не разыгралось воображение.

– Не волнуйтесь: мне просто что-то показалось, – сказала она нарочито беззаботным голосом и постаралась перевести разговор на другую тему: – Кстати, а что это за растение?

Констанция бросила на неё подозрительный взгляд, но, к счастью, не стала допытываться о том, что могло так сильно её испугать. За это Алина была ей весьма благодарна.

– Мортис. Говорят, что достаточно горсти этих ягод, чтобы мгновенно убить здорового взрослого человека, – рассеянно проговорила мисс Блад, обводя внимательным взглядом кустарник. – В Туманном Утёсе он растёт повсюду.

Алина не могла не спросить, почему в таком случае его просто не выведут с острова. Темноволосая девушка в ответ на это пожала плечами и намекнула на излишнее суеверие местных жителей. Впрочем, её объяснение прозвучало не очень убедительно, но Алина решила не продолжать расспросов.

Констанция взяла свою новую знакомую под руку и вместе они направились в сторону немногочисленных деревянных домов, которые были построены у самой границы кладбища. К тому времени от проливного дождя и последовавшей за ним мороси остались только огромные лужи, грязная дорога и промокшая насквозь растительность. Под ногами расстилался мягкий ковёр из пожухлой травы и мёртвых листьев блекло-жёлтых и тёмно-бурых тонов. Влажный северный воздух проникал в горло и вызывал сильный, удушающий кашель, но Алина тем не менее на удивление стойко держалась. Темноволосая девушка снова завела ни к чему не приводящий разговор. Впрочем, её собеседницу это вполне устраивало: в основном ей можно было молчать и лишь изредка отделяваться немногословными ответами.

Алина погрузилась в собственные мысли. Она тщательно перебирала в голове недавние события и не знала, на чём именно ей следует заострить внимание. Бесспорно, она испытывала немалое облегчение от того, что увидела Сиршу в обществе других прибывших на место преступления, но всё же какое-то смутное предчувствие не давало ей покоя.

– Возможно, вы сочтёте меня грубой, но позвольте задать вам один вопрос, – неожиданно проговорила Констанция после небольшой паузы и изменившимся голосом добавила: – Счастливы ли вы в браке?

Алина не смогла скрыть своего удивления и, что хуже всего, заметно побледнела.

– Д-да, вполне, – ответила она с лёгкой запинкой и потупила смятённый взгляд.

– Позвольте пояснить, – поспешила успокоить её сестра барона, несколько удивлённая подобной реакцией. – Я не могу поговорить об этом ни с кем из знакомых мне дам, потому что тут же начнутся разнообразные сплетни и кривотолки.

Девушка помолчала и, покусывая в лёгком волнении нижнюю губу, поведала Алине одну историю. То был весьма странный порыв откровенности.

– Около трёх лет назад моя старшая сестра, чтобы спасти нас от бедственного положения, в котором мы оказались после смерти матери и исчезновения отца, вышла замуж за одного богатого человека. В то время мы оказались почти что на грани банкротства: сироты, можно сказать, бастарды (наш с Эштоном отец, Уильям Оливер, был вторым мужем нашей матери), без титула и наследства. Мой зять был средних лет, образован, учтив, галантен и весьма хорош собой – словом, настоящий образец для подражания! По отцу он приходился нам родным дядей (а сестре – сводным), так что каких-либо сомнений в его чести или благородных манерах быть просто не могло. Тем не менее спустя несколько месяцев после свадьбы виконт начал проявлять по отношению к Монике крайне дурные и извращённые наклонности. Не буду говорить, какие именно: думаю, вы догадываетесь, что я имею в виду, а мне до сих пор делается не по себе, стоит только услышать об этом.

Моя сестра... Знаете, моя сестра иногда бывает излишне жертвенна и терпелива. Мне кажется, что она готова вынести любую пытку или принять на душу любой грех, если это послужит на благо её семье. Они с Эштоном с раннего детства были неразлучны, точно близнецы, хоть она и старше его на три года. Знаете, Алина, я им всегда немного завидовала: будучи любимицей матери, я всё время проводила рядом с ней, а они с раннего утра убегали из дома и зачастую возвращались лишь поздним вечером.

В общем, не знаю, как это сказать, но Эштон в последнее время страшно возненавидел лорда Оливера. Конечно, это не проявлялось открыто: вы же знаете моего брата. Но тем не менее... Нет, я не могу об этом говорить!

Констанция замолчала и, опустив голову, ускорила шаг. У неё был крайне расстроенный вид. Алина не имела ни малейшего понятия, по какой причине местная жительница решила рассказать совершенно постороннему человеку историю своей сестры, но вдруг ей пришла в голову странная мысль.

– Простите моё любопытство, дорогая Констанция, но вы имеете в виду Олеандра Оливера? – воскликнула она, крайне поражённая своим открытием. – Значит, виконт, которого убили около трёх недель назад, был супругом вашей сестры? И... братом вашего отца?

Темноволосая девушка неожиданно закрыла лицо руками и горько расплакалась. Алина, крайне смущённая подобным поворотом событий, не знала, как её успокоить.

– Нет, нет!.. – всхлипывала она, нервно прижимая к лицу шёлковый носовой платок. – Простите меня! Небо, как же мне хочется умереть! Нет, моя милая, вы и представить себе не можете, что значит быть на моём месте. В какой ад превратится наша жизнь, если всё это окажется правдой! Уверена, я отдала бы всё на свете, только бы *он* оказался невиновен!..

Алина удивлённо приподняла брови, услышав её последние слова.

– Вы хотите сказать, что подозреваете вашего брата в смерти виконта? – озвучила она страшную догадку и тут же пожалела о том, что высказала это вслух.

– Как вы смеете говорить подобным вещи?! Никто не должен об этом услышать! – эмоционально воскликнула девушка. На мгновение её прелестное лицо исказила невозможная злоба, но тут она виновато улыбнулась и заговорила более мягким тоном: – Простите, пожалуйста, мою несдержанность. Увы, подозреваю, как бы сильно мне не хотелось утверждать обратное. Факты говорят сами за себя. Впрочем, возможно... Нет, скорее всего, так и есть, что я глубоко заблуждаюсь. Все шесть убийств должен был совершить один и тот же человек, а Э... ему нет никакого дела до всех остальных.

Несколько минут они шли в полном молчании. Констанция направлялась к большому деревянному дому с балконом, который, по-видимому, был одним из самых древних построек на острове. Когда девушки подошли к главному входу и поднялись по ветхим ступенькам деревянной лестницы, мисс Блад сжала руку в кулак и три раза с силой постучалась в крепкую дубовую дверь. К тому времени на её лице не осталось уже никаких следов того, что недавно она предавалась безутешному горю. Впрочем, возможно, сейчас она и выглядела немного бледной и подавленной, но на фоне мрачного окружающего пейзажа это не сильно бросалось в глаза. Алина в тайне позавидовала подобному умению: сама она плакала довольно редко, но когда это всё же случалось, её нос и глаза могли оставаться красными ещё на протяжении очень долгого времени после того, как она приходила в себя.

– Так значит, вы не верите в кровожадных призраков из Мёртвого леса, в существовании которых вчера вечером так старался убедить нас городской совет? – насмешливо спросила она, пытаясь развеселить свою печальную спутницу.

Констанция слабо улыбнулась.

– Я не знаю, во что верить, – искренне сказала она, по привычке одёргивая пышное платье. – Одни убедительно говорят одно, другие также убедительно это опровергают. Подумайте сами: этих необычных волков никто не видел, кроме господина Сентмеля. Он, конечно, уважаемый человек, но, признаться, я совершенно не доверяю его словам.

Алина нервно усмехнулась и хотела задать ещё один вопрос, но тут дверь распахнулась и на крыльцо вышел высокий молодой человек. Констанция представила его как Николаса Грэма, младшего брата своей подруги. В ответ он непринуждённо, но галантно поклонился и с располагающей улыбкой на устах поцеловал руки обеим дамам.

Местный житель показался Алине весьма привлекательным: у него были рыже-вато-коричневые спутанные волосы, добродушные серо-зелёные глаза и улыбчивое лицо с правильными чертами. Одет он был в тёмно-синюю рубашку, чёрный кожаный жилет и тёмно-коричневые брюки, которые были заправлены в высокие охотничьи сапоги на толстой подошве. Алина подумала, что, если судить по его одежде и колчану стрел за спиной, то он был либо пастухом, либо, что более вероятно, охотником.

– Вы снова собираетесь в лес, Николас? – кокетливым тоном спросила его Констанция и с напускной строгостью покачала головой: – Не бойтесь, что на вас нападут, сами знаете, кто?

Молодой человек посмотрел на девушку с весёлой улыбкой, которая была способна растопить лёд в любом сердце, и заверил шутливым тоном, что стрелы и лук спасут его от любой опасности. Констанция звонко рассмеялась в ответ, изящно прикрывая рот веером, который, казалось, появился в её руках из ниоткуда. Алина тоже невольно улыбнулась, с удивлением разглядывая нового знакомого: она не могла поверить в том, что на этом мрачном острове можно встретить таких приятных людей.

– Вы, наверное, пришли к моей сестре? – проницательно спросил Николас спустя некоторое время и, кивнув на один из ближайших деревянных домов, добавил: – К сожалению, Лия не далее как полчаса назад отправилась с визитом к нашим соседям. Впрочем, я уверен, вы с удовольствием к ней присоединитесь.

Констанция с улыбкой поблагодарила молодого человека за информацию и заверила, что, как бы им ни было приятно его общество, они больше не смеют его задерживать.

Мистер Грэм тепло попрощался с девушками и, пожелав им хорошего дня, направился по узкой тропинке в сторону деревьев. Подойдя к кромке леса, он нырнул в густые заросли кустарников и скрылся из вида. Констанция всё это время не спускала с него восторженного взгляда, чем заставила Алину кое-что заподозрить.

– Удивительный молодой человек, не правда ли? – задумчиво проговорила мисс Блад, поворачиваясь, наконец, к своей спутнице. – Девушки из знатных семейств соперничают из-за его улыбки. Говорят, что все особы женского пола в Туманном Утёсе хотя бы немного им увлечены.

Алина внутренне поморщилась: она всегда смотрела на влюблённых с затаённым презрением.

– Я думала, все влюблены в твоего брата, – не подумав, съязвила она.

Выражение лица Констанции было невозможно описать словами. Сентенка тут же прикусила язык и мысленно отругала себя за несдержанность. В самом деле, зачем она так сказала? Она ведь даже ни разу не думала об этом.

Чтобы как-то сгладить свои слова, Алина рассмеялась натянутым смехом и скомканно поведала Констанции о поведении рыжеволосой девушки, с которой она столкнулась вчера вечером в графском особняке. Как бы то ни было, рассказ, казалось, достиг своей цели: мисс Блад вдоволь посмеялась над глупостями местной жительницы.

– Эштон, конечно, весьма красив. Впрочем, как и все в нашей семье, – добавила она слегка хвастливым тоном. – Но полюбить его... Нет, я бы и своему врагу не пожелала подобной участи! У моего брата, при всех его достоинствах, крайне невозможный характер. Но это, знаете ли, ещё не самое худшее...

Алина вдруг почувствовала себя до того нелепо, говоря на подобную тему, что решила немедленно прекратить этот разговор. Она прервала излияния мисс Блад на полуслове и тактично напомнила, что ей давно уже пора быть со всеми на кладбище. Констанция, услышав об этом, удивлённо округлила свои прекрасные шоколадные глаза, которые на мгновение почему-то показались Алине совершенно пустыми, и воскликнула слегка капризным тоном, что никуда её не отпустит, пока не познакомит с Лией Грэм. Впрочем, в конце концов,

после долгих уговоров она с большой неохотой согласилась расстаться со своей «дорогой подругой». Алина, напротив, не испытывала ни малейшего сожаления, лишаясь её общества: как бы ни была мисс Блад приятна и дружелюбна, её чересчур оживлённый характер и излишняя прямота быстро утомляли молчаливые, замкнутые в себе натуры.

На прощание Констанция неожиданно сжала её руку и воскликнула со слезами в голосе:

– Поклянитесь мне, что найдёте виновного в этих страшных убийствах! Умоляю вас! Нет ничего ужасней, чем жить в неведении: мне кажется, что я скоро сойду с ума от всех этих догадок. Со своей стороны, я обещаю, что сделаю всё что угодно, чтобы помочь вам в расследовании.

Алина неловко улыбнулась, смущённая её искренним тоном, и заверила, что, конечно, постарается сделать всё от себя зависящее.

Когда она шла в сторону главной дороги, то чувствовала, как её спину прожигают внимательным взглядом. Поначалу ей нестерпимо хотелось оглянуться, но девушка заставила себя не делать этого: она боялась, что Констанция вздумает её окликнуть, чтобы снова о чём-нибудь поговорить. Вспоминая некоторые слова местной жительницы, она не знала, чему можно верить, а что следовало бы поставить под сомнение. Ясно было одно: Мисс Блад подозревала своего брата в убийстве зятя. Но была ли она права? Алина решила, что пока располагает недостаточной информацией, чтобы об этом судить. Впрочем, ей по-прежнему казалось, что все люди на острове что-то недоговаривают.

Группа людей, которая была на кладбище около получаса назад, к счастью, никуда не собиралась уходить. В основном все присутствующие здесь состояли в городском совете (за исключением судьи, который, наверное, всё же решил отправиться домой), остальных Алина видела вчера вечером в особняке – возможно, они принадлежали к числу тех, кого принято в народе называть «верхушкой». Они негромко переговаривались между собой и заметили девушку только тогда, когда она почти поравнялась с ними. Большинство местных жителей поприветствовали её небольшим наклоном головы и тут же вернулись к своей беседе. Элизабет Валлоу, как ни странно, решила уделить ей больше внимания: она обменялась с девушкой парой вежливых фраз и поинтересовалась, удобно ли они устроились на новом месте. Алина постаралась отвечать на её расспросы с максимальной любезностью. Обворожительная вдова сегодня облачилась в тёмно-зелёное шёлковое платье, которое выгодно подчёркивало её изумрудные глаза, и почему-то казалась воплощением светской доброты и снисходительности.

Краем глаза Алина заметила, как невысокая мужская фигура в тёмном костюме направляется в их сторону. Она обернулась и с приятным удивлением посмотрела на Сиршу. Широкие шаги, уверенная, горделивая осанка, поднятый подбородок, прямой взгляд – казалось, что у актрисы весьма неплохо получалось сливаться с местным обществом. Глядя на неё, Алина почувствовала лёгкую зависть: сама она никогда не могла похвастаться умением мастерки приспосабливаться к любой ситуации. Почему-то люди, где бы она ни появлялась, обращали на светловолосую, с виду ничем не примечательную девушку гораздо больше внимания, чем ей того бы хотелось.

Леди Элизабет извинилась и, подарив на прощание сердечную улыбку, присоединилась к другим местным жителям.

Алина бросила на Сиршу вопросительный взгляд: ей не терпелось узнать, миновала ли угроза разоблачения или по-прежнему нужно ожидать, что в любую минуту их «игру в служебников» могут раскрыть. Спросить об этом, пусть даже шёпотом, она не решалась: ей казалось, что все присутствующие за ними внимательно следят. Актриса незаметно наклонила голову и улыбнулась краешком губ, тем самым давая понять, что пока всё идёт хорошо.

Алина, успокоившись, обвела рассеянным взглядом собравшуюся компанию. Неожиданно её внимание привлёк накрытый белой тканью свёрток, который одиноко покоился на сырой земле в окружении крестов и надгробий. Когда спустя несколько мучительных секунд она наконец поняла, что это такое, её и без того бледное лицо приобрело какой-то пугающий землистый оттенок. Она сделала глубокий вдох и зажмурилась, пытаясь привести расшалившиеся нервы в порядок, однако результат получился обратный: внезапно ей показалось, что сырой воздух насквозь пропитался трупным запахом. Чтобы как-то отвлечься, девушка незаметно покосилась на присутствовавших здесь дам. К её немалому удивлению, другие женщины вели себя как ни в чём не было: улыбались, беседовали на отвлечённые темы, вспоминали местные сплетни, даже тихо посмеивались. Алина подумала, что всё это выглядит до того обычно, что просто не может не показаться странным. Создавалось впечатление, будто островитянам довольно часто приходится быть свидетелями подобных ситуаций. Впрочем, кто знает?

Сирша горделиво расправила плечи и нарочито громко откашлялась, тем самым привлекая к себе всё внимание.

– Леди и джентльмены! Так как моя дорогая супруга наконец-то смогла к нам присоединиться, давайте подведём итоги, – Сирша подошла к труп и быстрым движением, точно снимая с раны присохшую повязку, откинула белое покрывало.

– Итак, убитую звали Джанет Блейн, – начала актриса звучным мужским голосом, заложив руки за спину. Её манера речи была настолько искусно сыграна, что посторонние люди и помыслить не могли, что она всего лишь притворяется: – Девушка, как известно, подрабатывала горничной в графском доме. В ходе осмотра на теле жертвы были обнаружены следы укусов, которые, несомненно, принадлежат крупным хищникам; горло разорвано почти до основания. Неподалёку от места преступления были найдены пистолет, окровавленный нож и кукла-оберег. Скажите, я ничего случайно не упускаю?

Местные жители отрицательно покачали головами.

Алина, краем уха слушая «доклад» актрисы, внимательно разглядывала тело, изуродованное страшными ранами неправильной формы с ровными, зубчатыми краями. Было трудно поверить в то, что не далее как вчера это была красивая молодая девушка. Впрочем, подумала Алина, если предположить, что кукла намеченной жертвы была украдена и в этот раз, то из этого следует, что Джанет Блейн прекрасно знала о надвигающейся опасности. Но в таком случае почему же она ничего не предприняла для спасения собственной жизни? Почему даже не обратилась за помощью? Алина больше не чувствовала ни ужаса, ни, как ни странно, даже жалости: всё её тело пронзило тупое оцепенение. Остекленевшие глаза бедной служанки отрешённо смотрели в небо, а красивое, чуть смугловатое лицо казалось удивительно умиротворённым. Её горло, вернее, то, что от него осталось, едва удерживало темноволосую голову на месте. Открытая кожа лица и рук посерела, и, если присмотреться, можно было увидеть, как по ней ползают многочисленные жучки и муравьи. Тем не менее тело горничной вовсе не было растерзанным до неузнаваемости, как описывали прошлые жертвы члены городского совета.

– Таким образом, принимая во внимание всё вышесказанное, – выдержав напряжённую паузу, Сирша проговорила тоном, не допускавшим возражения, – я вынужден настаивать на том, чтобы вы немедленно отбросили все свои суеверные предрассудки и взглянули на сложившуюся ситуацию трезвым взглядом. Необходимо в ближайшее время собрать вооружённый отряд в несколько десятков человек, которые должны будут прочесать окрестные леса и устроить облаву на диких зверей: судя по всему, их развелось на этом острове слишком много.

В ответ слышались возмущённые возгласы: было ясно, что местные жители выступают против подобного решения.

Алина, игнорируя неприглядный вид и любопытные взгляды, подошла поближе к изуродованному телу. Ей не давала покоя настойчивая мысль, что за всем этим скрывается нечто большее, чем кажется на первый взгляд. Сейчас, когда она подошла почти вплотную к убитой, ей всюду мерещились странности. Например, почему на земле, возле трупа, было так мало крови? По какой причине хищники погрызли горло служанки, а на всём остальном теле были только укусы? Означает ли это, что они напали на девушку вовсе не по причине голода? В конце концов, почему на лице Джанет Блейн не было и тени страха, который неизбежно должен был бы возникнуть в подобной ситуации? Жертва выглядела так, будто умерла во сне в собственной постели, а не в окружении кровожадных зверей, готовых растерзать её на куски. В голове Алины вертелась какая-то смутная догадка, но у неё никак не получалось чётко сформулировать свою мысль.

– Вы что-то заметили, миссис Лайтер? – с подчёркнутой вежливостью обратилась к ней Элизабет Валлоу, незаметно подходя к девушке.

Обернувшись на её низкий, бархатным голос, Алина увидела, как вдова, бросив короткий взгляд на тело, нахмурилась и немного демонстративно поднесла к лицу надушенный носовой платок.

Девушка хотела честно поделиться своими смутными подозрениями, но вдруг заметила, как один из незнакомых ей местных жителей предостерегающе качает головой. Он стоял позади всех остальных, и потому его странного жеста никто не заметил. Алина непроизвольно осеклась и, поколебавшись мгновение, решила всё же последовать неожиданному совету.

– Нет, мне просто что-то показалось, – запинаясь, проговорила она и, желая отвлечь внимание леди Элизабет, повысила голос, обращаясь ко всем присутствующим: – Если вы ничего не имеете против, то позвольте нам взглянуть на самодельную куклу этой бедной девушки. Вполне возможно, что она окажется весьма полезной уликой.

Было заметно, что резкий переход на другую тему пришёлся леди Валлоу не по душе. Её большие тёмно-зелёные глаза вдруг опасно сузились, улыбка исчезла, а холёное северное лицо резко побледнело. Алина попыталась вспомнить, почему этот взгляд кажется ей таким знакомым. Впрочем, у неё, как обычно, только разболелась голова.

Представительный мужчина средних лет, тот самый, который недавно предостерёг Алину, неторопливо, едва заметно припадая на левую ногу, направился к дамам. Леди Элизабет решила не дожидаться его прихода, и сухо улыбнувшись, отошла к своим приёмным детям.

У незнакомца было овальное немолодое лицо с крупными, неправильными чертами, не лишённое, впрочем, некоторой привлекательности и волнистые каштановые волосы до плеч. Одет он был в тёмно-серый костюм старинного покроя – такой, казалось, вышел из моды не менее века назад.

– Альберт Вилмар, местный лекарь, – представился он, поднося руку Алины к своим сухим, обветренным губам. – Приятно наконец-то познакомиться с вами, миссис Лайтер. Пожалуй, я не буду спрашивать, понравилось ли вам в Утёсе: на мой взгляд, честный ответ здесь может быть только один.

Девушка непроизвольно рассмеялась его незатейливой шутке.

Внезапно послышался приближающийся стук копыт, и, обернувшись в сторону главной дороги, Алина увидела, как неподалёку от карет остановились дроги. Телегой правили двое крепко сбитых мужчин в рабочей одежде, по-видимому, чьи-то слуги. Заметив погребальную повозку, местные жители, давно уже порядком заскучавшие, начали постепенно расходиться.

Через некоторое время приехавшие мужчины проворно подхватили труп, предварительно накрыв его белым покрывалом, и уложили на дроги. Всё это они проделали с пуга-

юще привычной небрежностью. Алина в который раз удивилась тому, насколько естественно местные жители относятся к смерти и убийствам. На их фоне она выглядела загорелым, мягкотелым южанином, который впервые в жизни увидел снег.

– Вас, кажется, заинтересовали наши местные обереги? – вежливо напомнил о своём присутствии лекарь, одной рукой приглаживая свои спутанные длинные волосы. – Между прочим, у меня набралось уже целых пять: родственники убитых почему-то все как один отказались забирать их себе. Если память меня не подводит, то куклы сейчас лежат в моём портфеле. Хотите взглянуть?

– Да, если вас это не затруднит, – вежливо согласилась девушка, стараясь не показывать своего нетерпения.

– Отчего же? – рассеянно пробормотал лекарь, приседая на корточки.

Алина поймала себя на том, что ритмично постукивает носком туфли по земле. Девушка заставила себя немедленно прекратить: она не любила проявлять на людях любые признаки истерики.

В тишине внезапно опустевшего кладбища (не считая их двоих, поблизости находились только Сирша и черногвардеец, которые о чём-то тихо переговаривались между собой) раздался тихий, но отчётливый щелчок. Алина вздрогнула и испуганно огляделась по сторонам, но, оказалось, что это всего лишь лорд Вилмар открыл ржавые замки на своём доисторическом портфеле.

Спустя некоторое время Альберт протянул ей миниатюрную резную шкатулку из вишневого дерева. В его взгляде неожиданно появился трепет, будто он собирался показать фамильные реликвии или драгоценности. Крайне заинтригованная, Алина осторожно подняла крышку, но тут лекарь внезапно воскликнул:

– Прошу вас, не прикасайтесь к куклам руками!

– В чём дело? – в голосе Алины послышалось искреннее недоумение.

Она получила весьма странный и расплывчатый ответ:

– Признаться, я сам пока точно не знаю, но что-то мне подсказывает, что прикасаться к этим игрушкам ни в коем случае нельзя. А интуиция, смею вас заверить, ещё никогда меня не подводила.

Не зная, что на это сказать, Алина неопределённо передёрнула плечами и с нескрываемым интересом принялась рассматривать самодельных кукол. Она не могла не признать, что все до единой были сделаны с поразительным мастерством и, судя по всему, очень сильно напоминали своих владельцев. Кроме того, у них были мягкие подвижные конечности и шея, что, несомненно, ещё больше усиливало их сходство с живыми людьми.

Алине особенно запомнились две удивительно красивые куклы в пышных балльных нарядах, которые, по-видимому, в прошлом принадлежали молодым девушкам. Одна была темноволосой и темноглазой – в ней без труда можно было узнать Джанет Блейн, другая имела по-детски очаровательное круглое лицо, вьющиеся светлые волосы и голубые глаза – скорее всего, именно такой и была при жизни Авалайн Кларк. Три другие куклы были одеты в крошечные элегантные костюмы и определённо изображали мужчин: светловолосого красавца с ярко-зелёными глазами, представительного мужчину с властными, аристократичными чертами и джентльмена с каштановыми волосами и лисьим лицом.

– Виконт Олеандр Оливер и граф Сергей Валлоу, – услужливо подсказал лекарь, кивком указывая на каждый оберег, начиная справа налево, – молодой блондин – графский конюх, извините, не помню его имени. Но он, кажется, приходился мужем Джанет Блейн.

От неожиданности Алина едва не выронила шкатулку. Ей показалось, что подобная взаимосвязь жертв не может быть обычной случайностью – определённо, местных жителей убивают с какой-то целью.

– О, простите, я совсем забыл: куклу дворецкого забрал у меня в своё время покойный граф Валлоу. Не имею ни малейшего понятия, зачем она могла ему понадобиться, – он машинально потёр свои мозолистые руки, пытаясь согреться. – Единственное, в чём я уверен, так это в том, что Сергей никогда не страдал излишней сентиментальностью.

Глава 6. Ночные встречи

На крыше одного из деревянных домов сидели две хорошенькие девочки в пышных летних платьицах. На вид им было по тринадцать-четырнадцать лет. У обеих были белокурые волосы, большие миндалевидные глаза неопределённого аквамаринового цвета – то ли бледно-зелёного, то ли лазурно-голубого оттенка – и северная белая кожа. Одна из них, которая была чуть постарше, обещала превратиться в роскошную, уверенную в себе красавицу, другая – в миловидную, чуть застенчивую девушку. Подруги были чем-то неуловимо похожи между собой, но почему-то их сходство казалось таким отдалённым, что трудно было поверить в то, что они приходятся друг другу близкими родственницами.

– Знаешь, иногда мне кажется, что я отдала бы всё на свете, лишь бы оказаться на твоём месте, – задумчиво проговорила старшая, расправляя складки на своём бирюзовом шёлковом платьице. – У тебя есть всё, чего только можно пожелать! Ты могла бы стать королевой острова. Но ты такая ленивая и до того заиклена на пустяках, что я даже сомневаюсь в том, что граф сделает тебя своей наследницей. Готова поклясться, что он мечтает видеть на твоём месте кого-нибудь другого.

– Пытаешься сказать, что мой отец любит тебя больше, чем меня? Ну, так это не секрет: все тебя любят, – постаралась ответить девочка равнодушным тоном.

– К сожалению, не все, – огрызнулась красавица и ехидно добавила: – Но дядя меня просто обожает. Он готов сделать всё, что угодно, стоит мне только попросить.

Встряхнув распущенными волнистыми волосами, она придвинулась к самому краю плоской крыши и принялась покачивать ногами, обутыми в новые кокетливые туфельки.

– Но и я стараюсь со своей стороны, – продолжала неугомонная девочка, многозначительно приподнимая свои тёмно-золотистые брови. – Как только я поняла, что дяде с тётей не нравится моя дружба с Конни, то немедленно прекратила с ней общаться.

Её собеседница недоверчиво усмехнулась.

– Ты мне не веришь?! – тут же возмутилась красавица. – Впрочем, думай, что хочешь. И всё-таки Конни – пустая, самовлюблённая и эгоистичная кокетка. Она намного хуже даже меня!

Младшая девочка болезненно поморщилась: излишняя эмоциональность подруги всегда её утомляла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.